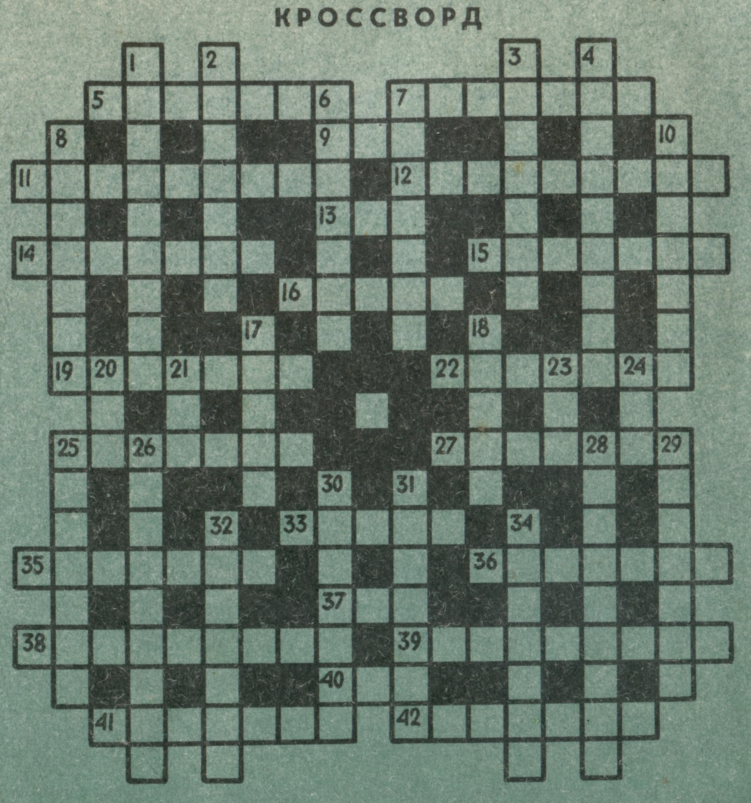
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **5.** Наборная буквоотливная машина. **7.** Австралийское млекопитающее. **9.** Пьеса А. Н. Островского. **11.** Одна из первых славянских азбук. **12.** Места в зрительном зале. **13.** Экскурсовод. **14.** Огневое и тактическое подразделение в артиллерии. **15.** Наставление, нравоучение. **16.** Гидротехническое сооружение. **19.** Спортивный комплекс. **22.** Роман А. Чаковского. **25.** Научное предсказание. **27.** Сельскохозяйственная машина. **33.** Духовой музыкальный инструмент. **35.** Нарицательная стоимость ценных бумаг. **36.** Медицинский работник. **37.** Заявление в суд о разрешении какого-либо гражданского спора. **38.** Двухкорпусное судно. **39.** Общественная оценка качеств человека. **40.** Поэтический жанр. **41.** Вещество, применяемое для проведения химической реакции. **42.** Горная порода.

По вертикали: **1.** Главенствующая идея. **2.** Остров у берегов Антарктиды, море Росса. **3.** Место проведения боевых учений. **4.** Лекарственное травянистое растение. **6.** Умышленное присвоение авторства на чужое произведение. **7.** Роман Дж. Голсуорси. **8.** Южное хвойное дерево. **10.** Заготовка, деталь, получаемая в литейной форме из расплава металла, стекла, пластмассы. **17.** Спутник Марса. **18.** Растительный мир. **20.** Горный козел. **21.** Порода собак. **23.** Повар на судне. **24.** Город в Псковской области. **25.** Управляемое движение летательного аппарата. **26.** Военнослужащий, состоящий при командире для служебных поручений. **28.** Один из методов стандартизации. **29.** Внешние знаки монархической власти. **30.** Советский певец, крупнейший представитель русской классической вокальной школы. **31.** Подъемный механизм. **32.** Птица семейства ласточек. **34.** Русский изобретатель-самоучка, писатель XIX в.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

10'90 Общественно-политический ежемесячник

Интервью с Николаем ГОНЧАРОМ

Леонид Жуховицкий КАК Я ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ БРЮНЕТОМ

Из «Лагерных записок» ДИМИТРИЯ ПАНИНА

Вячеслав Басков ВСЁ ДЛЯ КАРТОННОГО ЧЕЛОВЕКА!

Живопись Бориса МИХАЙЛОВА

10 (479) '90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 04.09.90. Подписано к печати 18.09.90. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,70. Тираж 100 000 экз. Заказ 1153. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800-137}{М172(03)-90}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладке: живопись Бориса Михайлова

Ответы на кроссворд, опубликованный в **№ 10, см. на с. 25**

Игорь Бестужев-Лада

«ПОЧЕМУ РАССТАЕШЬСЯ С ПАРТИЕЙ ПОЛОЗКОВА?»

Такой вопрос задают мне друзья. И не без ехидства добавляют:

— Почему не сделал это раньше? Почему не выходил из партии Горбачева, Черненко, Андропова, Брежнева, Хрущева, Сталина? Почему делаешь это, когда выход из партии принял обвальный характер, становится все более массовым, вроде бы даже модным, и многие просто боятся опоздать, как бы не остаться последней скандальной парой в обнимку с Иваном Кузьмичом?

В самом деле, может быть, действительно надо было раньше? Только вот вопрос: когда — р а н ь ш е?

Может быть, вообще не надо было подавать заявление в комсомол страшной осенью 1942 года, когда решалась судьба Сталинграда, войны, страны? Никто ведь за уши не тянул, и о «процентах охвата» тогда думали меньше всего.

Но для нас, 15-летних, вопросов «вступать — не вступать» тогда не возникало. Прорвется фашист за Волгу, дойдет хоть до Урала — пойдем от станков «оборонки» на фронт, в партизаны. Да нас уже и готовили в истребительные отряды. И разумеется, в рядах ВЛКСМ, а если доживем до 18, то и в рядах ВКП(б).

Может быть, спустя пяток лет, когда желающих попасть в ряды привилегированного сословия, именующегося по традиции «партией», стало более чем достаточно, и надо было месяцами, год за годом, дважды — сначала в «кандидаты», а потом в «члены» — проходить десяток отборочных инстанций? Не было ничего легче — взять и «отпасть». Да ведь не было ничего и труднее для тебя самого.

Да ведь тогда, в студенческие и аспирантские годы, мучился бессонными ночами не только от любви, но и от тяжких раздумий: что же происходит вокруг? Да ведь тогда находился в оживленной переписке не только с любимой девушкой, но и с не менее любимыми членами политбюро (точнее, с их канцеляриями), во главе с самым родным и любимым вождем и учителем, которым пытался советовать, как быстрее и ловчее достроить никак не достраивающийся коммунизм. И, что поразительно, везло как утопленнику. «Черные маруси» заезжали во двор не для того, чтобы сцапать в ГУЛАГ, а с благодарностями в пакетах за семью кремлевскими печатями. Спасибо, мол, учтем, а то без тебя никак не догадались бы, как достраивать. Господи, прости мне эти самые тяжкие прегрешения молодости! Да ведь разве я один был такой, оманкурченный-оболваненный с детства?

Не то что «отпасть» — за счастье почел бы в те годы закрыть собственной грудью самого родного и любимого, если бы нашелся хоть один порядочный человек (злейший враг народа, по убеждениям того времени), который догадался бы разрядить в него пистолет.

Может быть, еще пяток лет спустя, когда XX съезд КПСС чуть-чуть приоткрыл щелочку, из которой глаза людей опалил огонь самого настоящего земного ада, стыдливо поименованного «культом личности»? Тогда приходилось видеть плачущих старых большевиков не только в стихах Маяковского. Тогда отчаяние ужаса перед приоткрывшимся чудовищным эпохальным злодеянием, по сравнению с которым все трагедии Шекспира — просто водевили, заставляло стреляться не только Фадеева.

Но степень тотальной оболваненности была настолько велика, что не оставляла бредовая утопическая мысль: а что, если чингисханам провести телефон и рассказать по нему нечто разумное, доброе, вечное? Может, очеловечатся, перестанут стрелять и сажать, достроят, наконец, никак не достраивающееся? Кстати, аккурат в ту пору осенила идея, что будущее в принципе может быть таким же предметом научных исследований, как прошлое и настоящее (только по-своему), что можно не просто гадать о нем понапрасну, а выявлять назревающие проблемы и возможные пути их решения, как бы взвешивать последствия благих намерений и вовремя сворачивать с известно куда вымощенной ими дороги.

Откуда было знать, что та же идея уже осеняла русских людей поумнее еще за 30 лет «до того» и что все они поголовно поплатились за нее жизнью, а их статья сгинула в сталинских спецхранах до самого 1980 года? Что как раз в те годы та же идея воплотилась на загнивающем Западе в высокоэффективную концепцию современного технологического прогнозирования, так и не перешедшего границы родной страны до сих пор?

Господи, как все казалось просто! Достаточно создать рядом с тайным военно-промышленным комитетом столь же тайную комиссию социального прогнозирования, достаточно посадить рядом с политбюро десяток-другой будущих абалкиных и шаталиных, и они через минуту с точностью компьютера доложат начальству, чем именно грозит обернуться поворот вспять рек и вообще всего, что можно повернуть вспять, что именно произойдет после вторжения в Чехословакию или в Афганистан, вовремя уберегут от всех и всяческих гибельных авантюр. А если такие же комиссии создать при всех обкомах и министерствах? Тогда наши отечественные чаушески мгновенно опамятуются и достроят.

Идея казалась настолько соблазнительной, что была полностью претворена в жизнь Живковым и Ульбрихтом. Изменилось ли что-нибудь в жизни НРБ и ГДР после создания там всеохватывающей государственной службы прогнозирования? Не изменилось и не могло измениться, потому что чингисхан и с телефоном остается чингисханом, отнюдь не становится светочем разума и гуманизма. Казалось бы, это должно было отрезвить. Но нет, до самого завершения в 1971 году очередного погрома марксистско-ленинского обществоведения все надеялся, все обсуждал с разными «помощниками самих», кому из этих «самих» быть председателем замышленной комиссии — никак не находился подходящий.

Господи, как же несказанно повезло мне в жизни! Ведь если бы не погром, если бы Комиссия социального прогнозирования при Политбюро ЦК КПСС действительно была бы создана, если бы я имел к ней хоть косвенное отношение, то ведь все наши мыслимые реки поворачивались бы вспять за истекшие с тех пор 20 лет не просто по дикому произволу родных угрюм-бурчеевых, а по детальнейшим научным рекомендациям их ученых холуев. И во все мыслимые афганистаны мы бездумно вторгались бы при их, холуев, восторженном одобрении. И сегодня мне было бы впору не из партии выходить, а стреляться от стыда и

позора перед людьми за содеянное по глупости искалеченного тоталитаризмом ума.

Блестящая возможность выйти из партии представилась в том же году, когда был вызван в Комитет партконтроля при ЦК КПСС, и сначала помощники Пельше, а затем и сам он доходчиво разъяснили, что новорожденные отечественные прогнозеры-футурологи словно с ума сошли, выдумали какие-то «Советскую ассоциацию научного прогнозирования» и «Общественную академию прогностических наук» (это когда за чин академика каждый готов горло другому перегрызть!), естественно, передрались, из Киева в Москву поступил политдонос, который оказался весьма кстати, потому что надо снимать чересчур либерального вице-президента необщественной академии, а предлогов недостаточно, попадаются все больше кандидаты наук, а надо хоть одного доктора. Поэтому придется врезать «строгача», хотя я и не имел ко всему этому ни малейшего отношения, в склоке не участвовал, против «академий», «ассоциаций» и прочих благоглупостей, как мог, протестовал. Но ничего страшного: все будет шито-крыто, утешали меня, «строгач» будет тайным, никто ничего не узнает, кроме «своего» партсекретаря, а ровно через год выговор снимут и — порядок. Надо сказать, что это обещание было выполнено скрупулезно.

Не буду скрывать, удар был настолько сильным, кулак судьбы настолько энергично протер глаза, что утопическое марево рассеялось, и все увиделось не как до того казалось, а как оно есть на самом деле. Возник гамлетовский вопрос: не быть, то есть удалиться во внутреннюю либо внешнюю эмиграцию, то бишь в «психушку» или «за бугор»,— или быть, и если быть, то как именно? После тяжких раздумий решил: о том, на что раскрылись, наконец, глаза, лучше меня «за бугром» расскажут другие, а вот попытаться рассказать об этом здесь — да так, чтобы не заткнули рот кляпом на полуслове,— этому стоит посвятить остаток пошедшей прахом жизни.

С момента, когда вновь разрешили печататься и выступать с лекциями после снятия «строгача», и вплоть до апреля 1985 года, на протяжении почти 12 лет ежегодно до сотни раз выступал в различных аудиториях, опубликовал несколько публицистических статей, рассказывал о том, как и почему разваливаются семья и школа, культура и быт, почему «недостаточно эффективен» у нас труд, как стремительно нарастает комплекс проблемных ситуаций, грозящих перерасти в критические, какие выходы могли бы быть предложены с позиций нормативного социального прогнозирования. Конечно, я не мог говорить ни о кризисном, ни даже о предкризисном состоянии общества. Да я и не подозревал о всей глубине трясины, в которую мы погружались, не знал о всей чудовищности злодеяний, которые нас в эту трясину завели; впрочем, обо всем этом вряд ли кто подозревал тогда во всей полноте, вплоть до самых верхов. Да и предлагал не Бог весть что: чуть поменьше «принудиловки», чуть побольше «беспривязного содержания» не только домашней живности. Кивал на примеры казахстанского поселка Акчи, новосибирского «Факела»... Впрочем, на том же примерно уровне начиналась у нас идеология перестройки в 1985—1986 годах. Но реакция аудитории неизменно убеждала меня, что выбран правильный путь.

Конечно, я догадывался, что рано или поздно меня «прихлопнут». Но, на удивление, за все 12 лет было лишь несколько телефонных доносов, так что дело каждый раз ограничивалось лишь очередным отеческим внушением в соответствующих инстанциях. Но весной 1985 года, аккурат в начале перестройки, история повторилась, один наш деятель науки повздорил с другим, накатал, как водится, политдонос — и тут

уж каждый наш партпрокуратор попадает в положение Понтия Пилата: либо распинай, либо прощайся с прокураторством. А на мою беду, супостат стукача оказался редактором бюллетеня «Для служебного пользования», где я привел несколько данных о наших горестях, известных сегодня каждому школьнику. Сверху последовал окрик: «разобраться»! И мне снова, как 15 лет назад, разъяснили: чего с тобой разбираться, вкатим для порядка «строгача», через год снимем — и все дела. Кто меня собрался в очередной раз распять? Партия. Но кто меня спас от очередного распятия? Все она же, родная, причем с самого что ни на есть верху: «отвяжитесь!» — и отвязались.

Буквально через год в очередной раз сцепились меж собой враждующие группировки все тех же деятелей науки — а их в одной только марксистско-ленинской социологии ровно четыре, — и я, опять-таки на беду свою, имею несчастье не принадлежать ни к одной из них. Снова грозят: «не примкнешь — строгач!» Кто снова спасает? Родная партия: «отвяжитесь!» — и отвязались. Да что далеко ходить, всего лишь в прошлом году коллеги-футурологи по ошибке приняли на свой счет упоминание в одной из моих статей об обычной и привычной «дедовщине» в науке. И снова донос, и снова угроза «строгача». Кто спас, кто оттаскивал за фалды разъяренных программистов грядущего? Опять же партия в лице будущих членов Президентского совета.

Как же расставаться с ней, с партией, пусть временами двоюродной, но все равно родной? Ведь это же все равно что оказаться голому среди волков из одноименного произведения известного немецкого писателя.

Да, с началом перестройки мне и в голову не могло прийти, что придется выходить из партии. Я вместе со всеми был убежден, что если произвести «акчивизацию» и «факелизацию» нашей жизни, сделать опыт Акчи и «Факела» повсеместным, то пойдет ускорение прогресса, и мы вылезем из ямы. О том же свидетельствовал китайский и венгерский опыт. Мы забыли, что в Акчи и «Факеле» работали энтузиасты, дон кихоты, а здесь в дело вступили сплошные санчо пансы, которым любая поблажка нужна только для того, чтобы потянуть одеяло, то бишь десятки миллиардов ничем не обеспеченных рублей, на себя. Да и бюрократия наша — не чета китайской, не говоря уж про венгерскую. И крестьянство там не успели растоптать до наших степеней. И народ не деморализован, не исковеркан реализованной утопией казарменного социализма в такой мере, как у нас. И вот любуемся тем, что видим вокруг...

Единственной реальной опасностью долгое время представлялось неизбежное, ясное каждому прогнозисту контрнаступление сталинистов. Ведь не могли же они смириться с перестройкой, роющей могилу всесилию и роскошествам «номенклатуры». Ведь до 1985 года они подавили целых пять таких перестроек — ленинскую, хрущевскую, косыгинскую, брежневскую (пакет реформ 1979 года, так и оставшихся на бумаге), андроповскую... Неужели допустят эту? И когда в конце 1987-го — начале 1988-го появились первые, робкие еще, открыто антисталинские статьи, стало ясно, что со дня на день последует контрустановочная статья — не знал еще, в какой газете и чьим именем подписанная, но знал, что появится обязательно и явится сигналом к очередному погрому. И тогда поднялся из окопа, чтобы успеть швырнуть гранату в надвигавшуюся армаду черных танков с гулаговскими крестами на броне. Написал статью о том, кто и почему прикрывается у нас портретами Сталина. Статья была перепечатана множеством газет, и я получил за нее высшую награду — угрозу расправы, если не напишу опровержения бук-

ва в букву такими словами, какие появились спустя неделю в «Советской России» за подписью никому не известной дотоле преподавательницы одного из ленинградских вузов.

Затем фронт с линии портретов и бюстов Сталина переместился на линию пресловутой 6-й статьи Конституции, последовал известный «ход конем» совмещения секретарских и председательских должностей, начались массовые забастовки, и стало ясно, что генеральное сражение со сталинистами — не за горами. К этому времени сделался предельно ясным ответ на сакраментальные российские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», причем не вообще, а во всеоружии научного инструментария таких дисциплин, как история, социология, политология, подсказывающих оптимальное решение всех наших социальных проблем,— дисциплин, которыми профессионально занимался всю жизнь либо пришлось заниматься по велению жизни. В принципе они не менее эффективны, чем экономические науки, но, к сожалению, не находят пока востребования ни у одного нашего лица, принимающего решения. Что ж, спасибо, хоть к экономистам начали прислушиваться. Со временем подойдет черед историков, социологов, политологов.

С точки зрения помянутых трех научных дисциплин (единодушной!), нам не остановить сползания страны к катастрофе, покуда ею будут бесконтрольно править безответственные и некомпетентные сановники, покуда пустые слова о «разделении властей» не получат реального воплощения в виде двух-трех крупных политических партий, борющихся за голоса избирателей, с очень весомой и авторитетной оппозицией, способной сдерживать сокрушительные глупости правящей партии.

Однако, признавая важность авторитетной оппозиции, долгое время и в голову не приходило переходить в ее ряды. Напротив, казалось, что уход из КПСС лишь усилит в ней позиции сталинистов, усилит угрозу консервативной реакции, направленной на свертывание очередной перестройки, а то и на прямую диктатуру. И только события последних месяцев показали, что теперь оставаться в партии — на руку именно сталинистам, что для меня теперь оставаться в партии и аморально, и просто преступно, если иметь в виду судьбы перестройки.

Эти события связаны с образованием самозванной — без учета мнения членов КПСС и моего лично — «компартии РСФСР», как открыто антиперестроечной силы, стоящей в воинствующей сталинистской оппозиции к Президенту СССР, к Верховному Совету и Правительству РСФСР, причем в виде «органической части КПСС», без сколько-нибудь ясно выраженного протеста со стороны руководства последней. Появился политический монстр — оппозиция, состоящая из реально правящих сановников, да еще прячущаяся за спинами миллионов рядовых членов КПСС. Ничего хуже и опаснее такой ситуации для перестройки быть не может.

Впрочем, судите сами.

* * *

Когда читаешь «Программу действий Компартии РСФСР» и пытаешься вычитать в ней что-нибудь конкретное, скрытое в тумане обычной партфразеологии, в бесконечных «повышениях», «расширениях», «углублениях», «привлечениях» и проч., то сразу натыкаешься на поразительные несообразности, которые, накапливаясь, постепенно приводят к выводу, что авторам совершенно безразлично, какие именно строить словосочетания, потому что для них главное — не громкие, но пустые слова, а тайные, но заведомо антиперестроечные дела.

Документ пестрит декламациями о «социалистической направленности», «социалистическом строе», «социалистическом пути развития», «социалистических идеях», «коммунистической перспективе» и т. д. без конца, но нигде не уточняется, что же все это практически означает?

Как историку, мне приходилось профессионально работать по проблематике истории социалистических идей с древнейших времен до наших дней. Доподлинно известно, что наш «социалистический строй» имеет к этим идеям только то отношение, что является реализацией кошмарной утопии казарменного социализма, об опасности которого предупреждал в свое время Маркс. Вся суть «Программы КП РСФСР» нацелена на то, чтобы законсервировать эту сказку, сделанную страшной былью. Интересно, как еще собираются «отстаивать и реализовывать социалистические идеи» воинствующие последователи тех, кто уже отстоял и реализовал их при Сталине и Брежневе?

Как специалисту по перспективным социальным проблемам общества, мне четверть века приходилось читать университетский курс социального прогнозирования в рамках директивно предписанной нам проблематики так называемого научного коммунизма. Но вот уже год, как под давлением студенческих волнений и протестов Госкомобр СССР столь же директивно упразднил «научный коммунизм» как заведомый бред, заменил его социологией и политологией, переименовал кафедры научного коммунизма в кафедры социально-политических проблем, а журнал «Научный коммунизм» в журнал «Социально-политические науки». Другое дело, что излагать социологию и политологию приказано кадрам, которые имеют пока что о той и другой туманное представление, и им предстоит срочно переучиваться. Но позволительно спросить, какая в связи с этим открывается «коммунистическая перспектива»? Ни в социологии, ни в политологии, если говорить о них как о подлинных науках, о ней и речи нет.

Ставится задача «разработки современной концепции социализма». Иными словами, признается, что такой концепции пока и нет, это полностью соответствует действительности (иначе чего разрабатывать?). Концепции нет, а «социалистический строй», «социалистический путь развития», «социалистическая направленность» — есть. Фантасмагория! Представьте себе, что проекта дома нет, а его строят, прокладывают к нему пути, везут кирпичи... Нет, так могут писать только люди, которым глубоко наплевать и на социализм, и на коммунизм, у которых совсем иное в голове и за пазухой.

В других документах без конца повторяется такое же заклинание о «социалистическом выборе». Кто выбирал? Когда? И что выбрали? В чем преимущества этого выбора по сравнению с «несоциалистическим»? В том, что мы не стали Швецией или Швейцарией, перестали догонять не только Америку и Японию, но и совсем недавно отсталые Южную Корею и Тайвань, ныне соревнуемся с Нигерией, с Руандой и Бурунди? В старой Одессе говорили в таких случаях: они держат нас за дураков.

«Программа» начинается с признания «глубокого экономического, политического и духовного кризиса» советского общества по вине «многолетнего господства административно-бюрократической системы», но признание сформулировано так, будто принимавшие документ не являются органической частью этой системы, а имеют к ней отдаленное отношение. Кроме того, оно используется как плаха, на которой в следующем же абзаце производится казнь инициаторов и организаторов перестройки. Это, пожалуй, единственное место в документе, где концы сходятся с концами и имеют четко выраженный политический запах.

А затем начинается... Будем преодолевать «предубежденность против рынка», но исключать «эксплуатацию человека человеком». Значит,

если я, в рамках рыночной экономики, найму домработницу — меня сразу «исключат» или чуть попозже? И кто кого будет нанимать при таких угрозах? И как совместить рынок с прокламированным прежним всесилием Госплана?

КП РСФСР «является неотъемлемой частью КПСС, действует в соответствии с ее программными документами и уставом», но не только «считает целесообразным иметь и собственную программу действий, обусловленную спецификой и конкретными особенностями РСФСР» (ничего этого в «Программе», разумеется, и в помине нет), а провозглашает «возникновение новой политической силы». Вот так! Неотъемлемая часть, как особая сила! Нога, отвинченная от туловища и пинающаяся самостоятельно! Впрочем, как увидим дальше, здесь авторы на редкость искренни: это — действительно новая сила, направленная против старой... КПСС. С еще более старых, сталинистских позиций.

КП РСФСР — за социальную защищенность слабо защищенных слоев при переходе к рынку. А кто против? Только вот как, за счет чего — неясно. Она за гарантии занятости. А кто против? Только вот как быть с 16 миллионами «избыточных» рабочих мест (по неофициальным данным, даже 32 миллиона, плюс 8 миллионов официальных безработных). Неясно. Она за улучшение положения села, но одновременно за колхозы и совхозы. А кто собирается разгонять эффективные из них? Но ведь большинство — банкроты, «богадельни» (В. И. Ленин), висящие гирей на шее государства и не дающие поднять сельское хозяйство. И на этих костылях собираемся бежать дальше, чтобы накормить население? Она за разделение властей, но против разделения исполнительной и законодательной власти. Она за демократизацию науки, но одновременно и за воссоздание Российской Академии наук, хотя любая академия наук принципиально антидемократична по самой сути своей, о чем достаточно наглядно свидетельствует бунт научных работников во время избирательной кампании и образование Союза научных работников — смертельного врага академиков и членкоров. Ну и так далее без конца.

Самое смешное (если это, конечно, считать смешным), что даже такие путаные, туманные словопостроения показались чересчур крамольными воинствующе реакционному крылу КП РСФСР (представьте себе, что реакционеры тоже делятся на умеренных и «ультра»). Так вот, «экстремисты» испещрили проект «Программы» своими вставками, которые фактически сводят на нет даже робко либеральное, показушное пустословие. Перечитайте их, там в каждом абзаце кулак: мы вам покажем перестройку, мы и впредь... Ну и т. д.

Единственные абзацы, где сходятся «ультра» и «инфра» КП РСФСР — это там, где сталинизм открыто показывает зубы и угрожающе рычит. Категорически отвергаются растущие требования «об удалении партийных организаций из вооруженных сил, органов МВД, КГБ, прокуратуры, судов, а также из системы госуправления». Признаются «неконституционными» требования «об удалении парторганизаций из производственных коллективов, признаются «незаконными» требования «национализации партимущества». Неужели КП РСФСР ратует за партячейки в армии и КГБ, на заводах и в министерствах, за роскошные обкомовские дворцы для анархистов и монархистов, кадетов и христианских демократов? Как бы не так! Здесь русским языком и черным по белому (очень черным по очень белому) говорится: наслушались болтовни про перестройку-многопартийность и уши развесили?! Мы вам покажем перестройку! У нас и впредь обкомовские дворцы будут гордо выситься среди городских развалюх, у нас и впредь партийные унтера пришибеевы будут разгуливать по рыночным экономикам, наводя там большевистский порядок. А пикнете — прикажем МВД и КГБ пригнать спецназы с дубинками. Не поможет — прикажем армии. Вот это и есть «новая политическая сила», «собственная программа действий, обусловленная спецификой России».

Боже мой, и эти зловещие тартюфы еще смеют лепетать что-то о «проявлениях социальной демагогии», о своей любви к рабочему, для которого нет врага злее партаппаратчика.

И еще один зловеще-комический момент (из области «черного юмора»). Предполагается «очищение партийных рядов от тех, кто компрометирует ее (кого? ряды?!) поступками, кто фактически перешел на чуждые ей (рядам) идейные позиции». Вот уж поистине, кого Господь наказывает — сначала отнимает рассудок. Кому они собираются устраивать очередную чистку? Самим себе, что ли? (Правда, до этого дело обязательно дойдет, помяните мое слово.) От них бегут, как от чумных, чуть не сотнями тысяч в месяц (по подсчетам самого И. К. Полозкова). Сейчас побегут миллионами. Впору на улицы выходить, за полы хватать убегающих. А они, как помешанные, все еще грозят кому-то кулаком...

Но им наплевать: главное сделано — пристроены на теплые места в московских квартирах сотни, если не тысячи никчемных аппаратчиков.

А теперь вдумаемся в грозно-драматическую, может быть, даже трагическую ситуацию.

Горбачев, все Политбюро ЦК КПСС (кстати сказать, не Бог весть какой антикоммунистический орган) не зря годами упирались, когда речь заходила об особой компартии России. Понадобился бунт сталинистов,— «Инициативного съезда Коммунистов России», чтобы, как говорится, выломить свое из ноги. Дело в том, что РСФСР — особо сложная структура в составе СССР. Ее секретари обкомов всегда были на равной ноге с секретарями ЦК республик. А московский и ленинградский секретари — даже выше всех остальных, вместе взятых, всегда по традиции — члены Политбюро. Украинских, белорусских, казахстанских, узбекских областных секретарей десятилетиями приучали подчиняться республиканскому персеку, а не выходить напрямую на генсека, и то случаются недоразумения. А российские всегда открывали любую дверь ногой, наравне с республиканскими. И в этом была своя логика: разве Краснодар или Волгоград в чем-то уступают Кишиневу или Еревану, разве Тюмень или Томск в чем-то уступают Фрунзе или Душанбе? И вот теперь — здравствуйте-пожалуйста!

Конечно, российские областные персеки вынуждены будут в какой-то мере сплотиться вокруг республиканского, просто образовав защитное каре: ведь кругом такое творится! Но для того, чтобы повести областных персеков за собой, республиканскому необходим авторитет, идея, кампания — на войне как на войне. Какой может быть авторитет у Полозкова, когда он был и остается поистине первым среди равных — среди сотни в точности таких же, как он, и даже явно превосходящих его по многим статьям? Идей, как мы видели по «Программе», у него тоже не густо: противоречивые, заезженные, явно вздорные. Значит, чтобы удержаться, чтобы не вылететь из кресла, нужна... Догадываетесь? Так что «воленс-неволенс»,— надо готовиться к сюрпризам.

Каким? Тут, как показывает многострадальная история нашего одного, отдельно взятого города, многое — почти все — зависит от личности градоначальника. И совсем не случайно Полозков даже на таком съезде, как съезд КП РСФСР, прошел лишь незначительным большинством голосов.

* * *

Когда читаешь газетные отклики на избрание Полозкова, то и дело попадается: «одиозная фигура», «одиозная фигура». Что это такое? Уж больно красиво звучит, даже зависть берет. Открываем словарь иностранных слов: «От латинского «одиозус» — ненавистный, противный — неприятный, нежелательный, вызывающий к себе отрицательное отношение». Вот тебе на! Чем же он людям не потрафил, физиономией, что ли? Так ведь все наши начальники — на одно лицо. Тут 73 года шел естественный отбор, и все мутанты давно сгнили в гулагах. Так что остались только способные выжить. Вся разница — с очками или без. Этот — с очками. Ну и что? С очками даже вроде бы интеллигентнее. Перманентно злобное выражение на всех фотоснимках и телекадрах? Ну и что? Во-первых, злобное выражение — нечто вроде генеральских зигзагов на погонах у всякого уважающего себя начальника, чтобы знали: когда вызовет — пощады не жди. Во-вторых, будешь злобным, когда твое имя так полощут каждый день. Не особенно красив? Ну и что? Для мужчины это даже достоинство, красивых начальников мы тоже в достатке натерпелись. Это только добрая душа Булат Окуджава наивно полагает, будто все наши начальники намного прекраснее телевизионных дикторш. Он так прямо и поет: «Впереди — главные, во всей красе».

Ну, да поэтам простительны преувеличения.

Вот ведь интересно: Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе ругательски ругают, Нина Андреева вообще считает их «пособниками и проводниками линии на превращение Страны Советов в сырьевой придаток развитых капиталистических стран» (АиФ, 1990, № 35), что в большевистских кругах всегда было равнозначно «вышке», но ни у кого, даже у Нины, язык не поворачивается назвать «пособников» запросто «одиозными фигурами». А вот, пожалуйста, скажем, гораздо более импозантная, казалось бы, фигура Лигачева все-таки в устах народа — одиозная. В чем тут секрет? Наверное, все-таки не в физиономии, а в делах.

Лигачев объявил, что садится теперь на досуге за мемуары. Скоро мы, видимо, прочтем немало интересного. Наименее интересными будут, понятно, разделы об идеологии и сельском хозяйстве — тут просто ничего нового со времен Суслова и Хрущева. Зато очень интересным обещает быть рассказ о том, как 13 марта 1988 года в «Советской России» появилась целая полоса, подписанная только что вышеупомянутой дамой, а еще интереснее, как эта полоса начала зачитываться в качестве приказа по всем эскадронам, ротам и батареям, то бишь по парторганизациям страны, и уже перешли кое-где к оргвыводам, уже начали заезжать справа по двое, шашки наголо... И если бы устроителям вовремя не дали по рукам — плакать бы стране снова кровавыми слезами 1937 года. Разумеется, будет написано, что мемуарист не имел ко всему этому никакого отношения. Точно так же, как и к краже 50 тысяч экземпляров первого тиража крамольного сборника «Иного не дано» прямо из-под носа делегатов XIX партконференции. Не говоря уже о совсем недавнем Открытом письме ЦК КПСС с призывом к очередному погрому («очищение рядов»), с которым вышел конфуз только благодаря массовому протесту парторганизаций снизу, хотя кое-где уже начали разнарядку, «процент охвата» и проч. И вы спрашиваете после этого, почему фигура одиозна?

За какие-нибудь четверть часа вознесся из безвестности к одиозности генерал Макашов, единственным полководческим подвигом которого явилась яро антиперестроечная, антигорбачевская речь на съезде. Настолько яро, что ее даже постеснялись полностью воспроизвести печатно. Но это не имеет никакого значения, потому что выступление было по достоинству оценено как внутри страны, так и на мировой арене. За рубежом, как сообщили газеты, его тут же пригласил к себе главным советником большой гуманист с большой дороги Саддам Хусейн. Скандал вышел настолько большой, что появилось официальное опровержение: Макашов-де из страны не выезжал. Вот так опровергли! На Востоке в таких случаях обычно говорят: «Мула спросили, кто твой отец? А он ответил: конь мой дядя!»

Зато внутри страны он теперь — член ЦК КП РСФСР и, наверное, самая яркая фигура в собравшейся компании. Не исключено, что члены ЦК вынесут его как-нибудь на руках с криками «ура». Такие случаи в истории нашей страны бывали.

Так в чем же, в каких деяниях, одиозность Полозкова? Деяния эти общеизвестны. Во-первых, неслыханный даже у нас по масштабам и темпам погром кооперативов: разом более трехсот — это вам не парники у пенсионеров бульдозером сносить. Во-вторых, воинствующие популистские речи по горячим следам блестяще организованной провокации с кооперативом АНТ. Вот эти — и только эти — подвиги и вознесли безвестного «областного» в скандально известные «республиканские». Значит, так: решителен, энергичен, ожесточен и неразборчив в средствах. А обстановка, как мы уже говорили, заставит его в самое ближайшее время как-то заявить о себе.

Он не сможет не «заявить». А как примерно это сделает — можно догадываться по второму действию спектакля под названием «Съезд КП РСФСР». Помните? От персека едва ли не хором требовали своевременной отставки: ведь одна только его одиозная фигура обошлась КПСС в 90 тысяч в ужасе отшатнувшихся за один лишь июль. Теперь, наверное, зашкалит за сотню тысяч каждый месяц — за миллионы в год. Правда, без людей партия ни при каких обстоятельствах не останется. Из двух десятков миллионов ее членов почти половина — люди пенсионного и предпенсионного возраста. Они не выйдут из партии, даже если та догадается самораспуститься, по очень простой причине: достойные всяческого уважения, они вовсе не по своей вине прожили прямо-таки нечеловечески трудную жизнь и вне партии последнюю представить себе уже не могут. Но ведь партия — не скамеечка перед подъездом и не подножка для неразборчивых в средствах. Здесь нужны не только пенсионеры...

Так что же ответил новоявленный персек на настоятельные требования об отставке? Он проявил стратегию, оперативное искусство и тактику, способные повергнуть в черную зависть любого из наших генералов. Он сказал: подождите, мы к этому вопросу вернемся чуть позже — причем таким тоном, что делегаты съезда и миллионы телезрителей поняли: проведет съезд и с достоинством уйдет. А когда страсти утихли и съезд подошел к концу, объявил: мы тут в президиуме подумали, посовещались сами с собой и решили... остаться на боевом посту. Все. Финита.

Вот и все. Теперь — передышка. Но когда читатель прочтет эти строки, Полозков неизбежно начнет действовать. Не может не начать. Однако теперь уже без нас.

* * *

Публично благословившая Полозкова на роль лидера партии Нина Андреева (прошу прощения, снова возвращаюсь к ней, но что делать: она сегодня — в центре событий) завершила свое интервью словами:

«Вторая всесоюзная конференция общества «Единство, за ленинизм и коммунистические идеалы» в апреле 1990 г. поставила вопрос о реорганизации общества в большевистскую партию и о проведении учредительного съезда нынешней осенью, если КПСС и КП РСФСР не найдут в себе сил противостоять ревизионизму, оппортунизму и национал-коммунизму... Социализм или смерть!»

И. К. Полозков полностью оправдал надежды своей крестной, снял с нее все заботы: большевистская партия создана, теперь дело за социализмом и смертью. Как нетрудно понять, вторую часть этого заключительного лозунга авторесса интервью приберегла вовсе не для себя и своих подручных. Перефразируя известное изречение минувших времен, можно уверенно утверждать: она — не из тех Андреевых, которых вешают, она из тех, которые... всегда готовы провести очередное очищение рядов народонаселения страны от всех нас с вами.

Как предотвратить это грядущее бедствие? Только одним способом. Сегодня в политической жизни России, как мы уже говорили, произошел перекос: образовалась мощная правоконсервативная сталинская оппозиция, состоящая из самодержавных властителей городов и весей республики. Ее можно уравновесить только столь же мощной леворадикальной оппозицией единого движения демократических сил, доселе разрозненных и слабых. Создастся такое равновесие — у России будет XXI век, не создастся — снова вернемся к первой половине XX.

Можно ли стоять в стороне, когда решается судьба народа, страны? Вот почему приходится спешить расставаться с партией Полозкова.

О ДЕЛАХ ГОРОДСКИХ, ДЕЛАХ РАЙОННЫХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Беседа с заместителем председателя Моссовета Николаем ГОНЧАРОМ

Эта беседа состоялась в августе, вскоре после завершения работы первой сессии Моссовета. Многие кризисные явления, с которыми мы вплотную столкнулись сегодня, просматривались в то время лишь на уровне тенденций. Однако нам кажется, что темы, которых мы коснулись в беседе, и суждения Н. Н. Гончара не только не утратили актуальности, но и дают возможность более объемного, ретроспективного взгляда на самые острые современные проблемы жизни Москвы и страны в целом.

— Николай Николаевич, время сейчас невероятно спрессовано. Еще в начале года мне пришлось брать у вас, тогда еще председателя Бауманского райисполкома, интервью для районной газеты. В марте вы были избраны депутатом Моссовета и Бауманского райсовета, который в апреле возглавили. Возглавили в результате острой борьбы, не прекращающейся, если я не ошибаюсь, и по сей день. В июне вы стали заместителем председателя Моссовета.

В Бауманском районе вы человек известный и, прямо скажем, популярный. Более широкий круг москвичей знает вас по телетрансляциям заседаний сессии Моссовета, на которых вы председательствовали. Не могли бы вы рассказать немного о себе?

— Мне сорок четыре года, кандидат экономических наук. С 1976 года непосредственно занимаюсь экономическими и социальными проблемами Москвы. Основной круг интересов и сегодняшних обязанностей — совершенствование структуры управления, и прежде всего взаимодействие города и его районов.

— То есть вам приходилось и приходится заниматься и политическими и хозяйственными вопросами. Каково, по-вашему, сегодня соотношение политики и экономики, если учесть, что на прошедших сессиях всех наших Советов и на партийном съезде суждения на этот счет были весьма разнородны! Я позволю себе процитировать одного делегата XXVIII съезда КПСС: «...переходный период в партии и обществе, на мой взгляд, начинает существенно затягиваться, приобретая деструктивный характер. Все это грозит серьезной опасностью быть втянутыми в проведение революционных преобразований, по меньшей мере, в двух сферах — экономической и политической, а может быть, еще и в третьей — национальной. Катастрофические последствия такого совмещения не требуют особых доказательств».

— По меньшей мере, странное высказывание. Совершенно очевидно: чтобы изменить экономическую ситуацию, нужно изменить отношение людей к труду. Мы станем более состоятельными тогда, когда научимся лучше работать. Это — бесспорно. Но есть одно «но». Долгое время заставлять людей работать нельзя. А это уже политика. Призывы к тому, чтобы кончить заниматься политикой и начать, наконец, работать, часто приходится слышать на всех уровнях — от районного до союзного. Вопрос лишь в том, почему эти призывы ничего нам не прибавили в смысле улучшения жизни, а ведь звучат они не один десяток лет? Давайте, как говорится, не упрощать.

Призывы мало что дают, да и заставить людей работать, не учитывая их интересы, не удается. Режим, который установился у нас в стране на рубеже 20—30-х годов, не был случайностью. Это было ярко выраженное стремление использовать страх. А от устрашения до террора — один шаг. Альтернатива этому пути — нэп, путь товарно-денежных отношений — была отвергнута.

Еще, кажется, Каутский заметил, что, чем более квалифицирован труд, тем более он нетерпим к несвободе. Рыть Беломорканал можно было заставить с вышек вдоль колючей проволоки, но такой способ не годится для ускорения научно-технического прогресса. Без политических изменений сегодня ничегошеньки не произойдет. Можно либо стремиться назад — к тем самым вышкам, но это — тупик, либо идти к свободе, которой требуется квалифицированный труд. Боюсь, что делегат съезда, сентенцию которого вы воспроизвели, в лучшем случае неосознанно, влечет нас двигаться в первом направлении.

— Если я вас правильно понял, то умиротворение двух указанных политических течений невозможно!

— Конечно.

— Готов согласиться с вами. Свидетельство тому прошедшие выборные кампании. Размежевание политических сил, взглядов в нашем

обществе именно тогда стало очевидным. Вы входите в блок «Демократическая Россия», сторонники которого одержали на выборах убедительную победу в крупных центрах России, в том числе и в Москве. Что нового внесла эта победа в перестройку органов власти, скажем, в столице?

— Сказал бы, что пока еще вносит. Я не открою большого секрета, если напомню, что позиции избирателей в значительной степени отражали неудовлетворенность сложившимся в стране положением. Была ясность в необходимости изменений, в необходимости прихода к власти новых сил. Но я бы не переоценивал роль содержания предвыборных программ представителей «Демроссии». Ситуация меняется очень быстро. Народный депутат — это иное качество по отношению к кандидату в депутаты. И если человек не сознает этого, толку от него будет мало. К сожалению, нередко приходится сталкиваться с желанием депутатов распространить формы и методы предвыборной борьбы на законотворческую и управленческую деятельность в органе власти. Пора всем нам понять, что выборы закончились, что пора оплачивать полученный аванс доверия. А степень доверия сегодня обратно пропорциональна длине очередей.

Сейчас идет неизбежный процесс размежевания в рядах самих демократических сил — ведь объединялись «против», формируя лишь общую стратегию. Теперь на очереди конкретные тактические шаги по решению назревших проблем. Возникают противоречия, создаются новые политические структуры социалистической, социал-демократической, либерально-демократической ориентации. В основе такого размежевания лежит различное отношение к собственности, к реально существующим в стране ее формам, включая и частную. Отрицать существование у нас частной собственности — это значит трактовать марксизм на уровне печально памятных учебников для партийных школ.

Сумеем ли мы в этих условиях работать продуктивно, радикально изменить ситуацию — зависит от нашей политической мудрости, но мы едины в том, что систему нужно не совершенствовать, а именно качественно менять. Разговоры о каком-то «монолитном единстве» депутатов — бессмысленны. У меня слово «монолит» всегда ассоциируется со словом «бетон». Но бетон, обладая многими замечательными качествами, не может размышлять. Так что блок «Демократическая Россия» объединяет своих сторонников прежде всего при обсуждении и принятии решений, касающихся самых принципиальных вопросов, скажем, о переходе к рыночной экономике и т. п.

— Николай Николаевич, говоря о политических проблемах, нельзя не коснуться решений Российского партийного съезда и съезда КПСС. Каковы ваши впечатления от работы этих форумов?

— Часто приходится слышать такое «суждение»: зачем встречать в штыки создание новой структуры для «руководства» коммунистами России и даже отказываться считать себя членами РКП? Ведь это, дескать, вроде районного звена — не пишем же мы заново заявление о вступлении в партию, переходя на работу из одного района в другой. Лукавство это. Главное-то в том, что на Российском съезде победила вполне определенная линия, отражающая вполне определенные интересы. Сегодня отношение коммунистов, да и не только коммунистов, к новой структуре — это отношение к консервативной, по признанию самого Полозкова, линии в партии.

Ход XXVIII съезда был предрешен. Требовалось ответить на вопрос: чем мы руководствуемся — интересами партийных функционеров, интересами партии или интересами народа? От партии ожидали решений базисного характера, но их не последовало. А потому не столь уж важно, какой будет Устав и как будут собираться партийные взносы. Правда, здесь есть один нюанс. По-моему, М. С. Горбачев полностью сознавал неспособность съезда выработать какую-либо стратегию, поэтому сам решал на нем тактические вопросы, и решил их, на мой взгляд, блестяще. Я имею прежде всего в виду сохранение за ним поста Генерального секретаря. Думаю, что важность этого шага нам еще предстоит осмыслить. Ведь мы привыкли оценивать положение страны по ситуации, сложившейся в Москве и Ленинграде. Но в целом по стране она совершенно иная. И не случайно консерваторы на съезде добивались того, чтобы Горбачев ушел.

— Вернемся, однако, к делам Моссовета. Сейчас все депутатские комиссии сформированы, приступили к работе. Как, по-вашему, отразятся на их деятельности существующие внутри депутатского корпуса разногласия?

— Углубление депутатов в работу приведет, на мой взгляд, к тому, что на первый план все более и более будут выходить иные противоречия — между интересами избирателей и их удовлетворением. Конечно, каждая политическая группировка будет бороться за власть. Это нормально. То, что такой борьбы не было в старых Советах, свидетельствует лишь о том, что они не были представительными органами.

— Как складываются отношения между Моссоветом и районными Советами? Услышать ваше мнение интересно и в связи с тем, что вы по-прежнему возглавляете Бауманский райсовет.

— Действительно, еще в период выборов мои избиратели настаивали на том, чтобы я не уходил из района, я им это обещал и свое обещание выполняю. Мне думается, что и предложение Г. Х. Попова ввести меня в состав руководства Моссовета было продиктовано пониманием важности районного звена в системе управления городом. То, что я остаюсь председателем районного Совета, дает возможность надежной обратной связи, непосредственного ощущения последствий принимаемых Моссоветом решений. Конечно, работать нелегко. Каждое утро и почти каждый вечер я провожу в своем районе, но благодаря этому я хорошо знаю настроения как его руководителей, так и жителей.

Я считаю, что проблема взаимоотношений города и районов не управленческая, а политическая, потому что речь идет о взаимоотношениях политических структур. Этот процесс идет не очень-то гладко. Есть противоречия, и я уверен, что они будут нарастать. Безусловно, мы стоим на пороге довольно острого конфликта. Предстоит решение вопросов разделения сфер компетенции между районами и городом, структурами законотворческой и исполнительной власти.

Мы ждем от Российского парламента разрешения противоречий, заложенных в союзных законодательных актах. Скажем, Закон об основах местного самоуправления и местного хозяйства включает в себя статью о подотчетности исполкомов лишь Советам, их избравшим (что противоречит союзной и республиканской Конституциям), и в то же

время говорит о том, что исполкомы и Советы руководствуются в своей деятельности Конституциями СССР и РСФСР.

Необходимо формирование качественно новой структуры управления городом как единым целым. Конечно, решать все вопросы из центра — абсурд. Нужна децентрализация, но какая? Вопрос об установке гаража во дворе должен решаться на уровне микрорайона, но и выслушивать претензии тех, кому это место не досталось, должен совет самоуправления, а не райсовет, не Моссовет. Уборка мусора — районная проблема, так же как и распределение полученной доли жилья. А вот уж проблемы экологии, развития метрополитена, теплоснабжения, массового жилищного строительства и т. п. — это забота Моссовета.

Таким образом, должны быть четко расписаны сферы компетенции каждого уровня управления, схема взаимодействия Советов, исполкомов, советов самоуправления с учетом специфики каждого конкретного района. Но нужно помнить, что не бывает прав без обязанностей.

Особо хочу остановиться на вопросе о распределении функций законотворческой и исполнительной власти. Сейчас часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда управленческую нишу, возникшую в связи с ликвидацией отраслевых отделов партийных комитетов и лишения их властных полномочий, занимают соответствующие комиссии Советов. Если этого не остановить, то положение исполкомов не улучшится, а ухудшится. Если раньше председатель исполкома мог решать вопросы с первым секретарем, то теперь вынужден обходить многие комиссии. Исполком, таким образом, может быть парализован (к тому же не исключено, что какие-то исполкомы захотят быть парализованными). Исполнительная власть в пределах своей компетенции не только имеет право, но и обязана принимать самостоятельные решения.

— Моссовет высказался за переход к рыночной экономике, но имеют ли представление депутаты об отношении к этому москвичей?

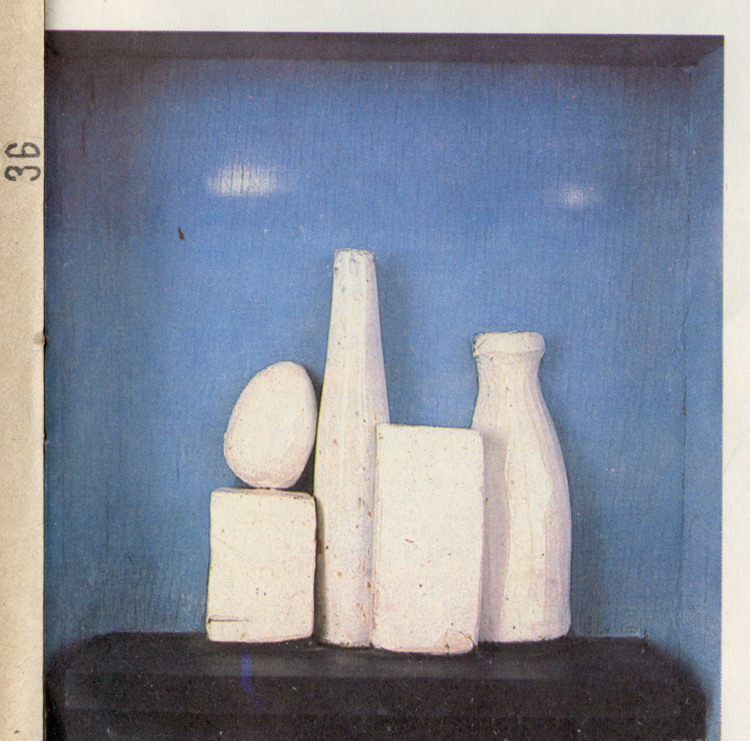
— Я думаю, что различные слои населения относятся к рынку по-разному, как, впрочем, и депутаты Моссовета. Я уже говорил о существующих противоречиях в составе блока «Демократическая Россия», так вот, они во многом определяются различным пониманием рыночных отношений и динамики их развития.

Социальные конфликты при переходе к рынку будут, но мы должны освоить рыночную философию, суть которой в том, что справедливость заключается не в равенстве потребления, а в равенстве возможностей потребления, равенстве шансов. Скажем, вам тридцать лет и у вас нет специальности — ее нужно получить, обрести свой шанс. Сложнее уравнять возможности тридцатилетнего кооператора и семидесятилетней пенсионерки. Упаси нас Бог от «кавалеристов», которые во имя завтрашнего рыночного рая готовы сегодня пожертвовать малоимущими. Такие призывы есть, но это путь не в рай, а в ад.

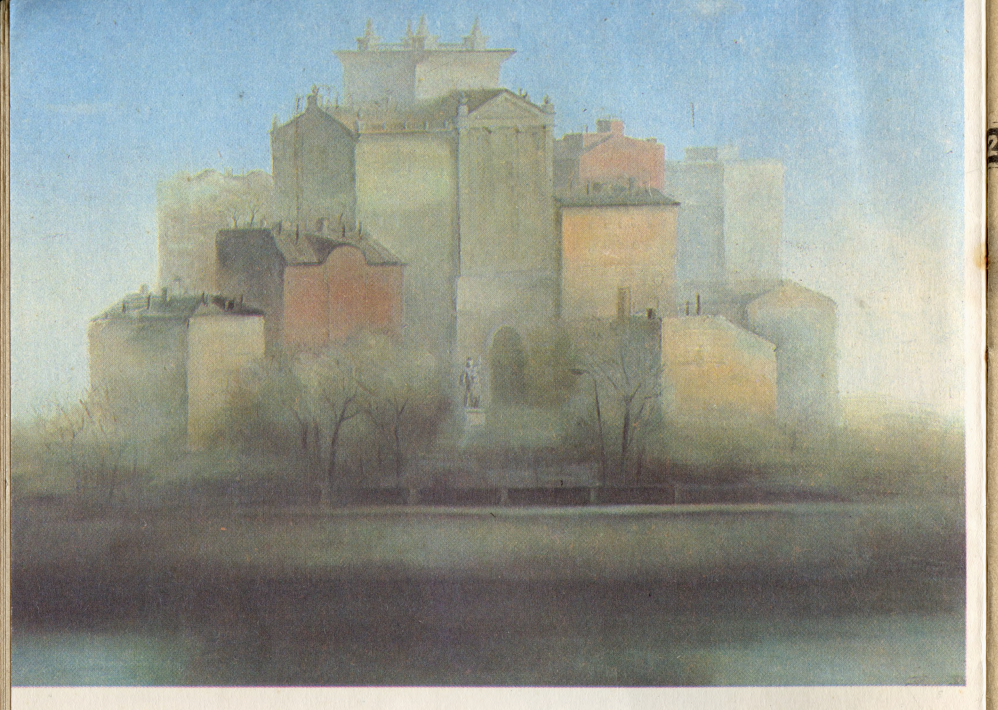
Что отличает нас от наших предшественников? Если разница в том, что они призывали к жертвам во имя светлого завтра, называемого «коммунизмом», а мы призываем к жертвам во имя светлого завтра, называемого «рынком», но методы остаются теми же, то разочарование народа неизбежно. Метод «цель оправдывает средства» в принципе неприемлем. Создавая новые социально-экономические отношения, мы должны гарантировать людям определенные условия существования. Должны быть определенные социальные гарантии.

БОРИС МИХАЙЛОВ

Среда обитания

Натюрморт метафизический

Дома на набережной

ПРОВИДЕЦ ОТЧУЖДЕННОГО ГРАДА

Борис Михайлов — живописец экзистенциального мироощущения. Его художественные интуиции восходят к метафизической живописи, но питаются духом современности, когда культура и сама жизнь оказались в пограничной ситуации, на роковой грани бытия-небытия. И живопись Михайлова то кричит об этом кризисе, то настойчиво предупреждает, то выражает надежду (хотя и слабую) на позитивный исход и грядущее возрождение. На его полотнах чаще всего — городской пейзаж, но пейзаж странный, ирреальный, наполненный отнюдь не пейзажным смыслом. Может быть, это даже и не пейзаж, а портрет — города, страны, времени, цивилизации... Мотивы, фрагменты, блоки реальной городской застройки складываются в картинах Михайлова в символические образы глубокого философского звучания. Фантастические руины («Незавершенное строительство»), мрачноватые, органические, вырастающие из земли причудливые урбанистические горы («Неуклонно растущий город», «Реконструкция»), бесконечные шеренги суровых стенных плоскостей — все это художественные (не рационалистические!) символы контакта и конфликта человека с природой, его разлада с культурой, его, наконец, катастрофически «прогрессирующей» бездуховности.

Фантастический город-корабль («Маленькое повреждение») несет обломки былых культур и цивилизаций, среди которых взметнула вверх руку нелепая, но хорошо знакомая всем нам статуя — символ застывшей, закостеневшей жизни. Какой-то намек на человеческое существование ощущается лишь где-то внизу, в мрачной пробоине в трюме корабля-символа, то ли нашего государства сталинской эпохи, то ли цивилизации XX века, «покорившей» природу и погибшей в отрыве от нее.

В картинах Михайлова нет человека, а от деяний рук человеческих веет духом отчуждения, дегуманизации. Художник как бы предупреждает нас о неведомой грядущей опасности. Его работы пронизаны урбанистической тоской по солнцу, зелени, цветам — по чему-то слишком человеческому, что осталось за пределами полотен, но к чему устремлены все их глубинные токи. Изредка они просветляются легкой элегической грустью и мечтой о безмятежной гармонии цивилизации и природы («Дома на набережной»), о рождении светлого труда из туманного духа земли...

ВИКТОР БЫЧКОВ

— А как вписываются в перспективу рынка известные решения Моссовета о фактическом переходе на межрегиональный натуральный обмен!

— Естественнейшим образом. И только люди, которые не хотят слышать, не слышат аргументов в пользу поэтапного перехода к рыночной экономике.

Было время, когда в ЦК собирали представителей республик, а затем в Москву эшелонами и рефрижераторами этапировали грузы безо всякого учета местных потребностей. Скажите, кто сегодня будет поставлять необходимую нам продукцию «за так»? Мы вынуждены обмениваться товарами, но для этого нужны товарные ресурсы, отсюда решение об увеличении доли продукции, производимой московскими предприятиями, остающейся в городе. Конечно, нельзя разрушать сложившиеся между предприятиями связи на союзном уровне, но реальность такова, что к товарно-денежным отношениям мы идем через товарный обмен: кофе — за прокат, картошку — за холодильники и т. п. Если же соблюдать «чистоту модели» рыночных отношений, то мы можем оставить москвичей, и так уже утомленных нехватками, без самого необходимого. Политика — искусство возможного.

Нужно сбалансировать товарно-денежную эмиссию, то, что пока никак не получается на уровне Союза. Ведь «московские деньги» — это тоже глубоко рыночный шаг, который может позволить, не ломая ситуацию на рынке союзном, выделить региональный экономический потенциал, создаваемый трудом людей для этих же людей труда. Это временная, но, подчеркиваю, сейчас необходимая мера. Я хочу напомнить, что происходило в Москве после известного выступления Н. И. Рыжкова на сессии Верховного Совета СССР, в котором, по сути, было обещано повышение цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Огромный город в один день остался без растительного масла, крупы, макарон. А дальше табачный взрыв, хлебный взрыв... Предпосылки всех этих явлений накапливались годами, дает сбои и существующая с т а р а я структура управления. Но мы тем не менее, создавая новую структуру, должны сделать все для того, чтобы старая продолжала работать. Альтернатива этому только одна — «до основанья, а затем...». Носители такой идеи как необходимого условия перехода к рынку сегодня есть. Конечно, старая система работала из-под палки — объезды баз руководителями города, ночные совещания и т. п. Но по мановению палочки в девятимиллионном городе создать новую систему управления нельзя. Поэтому трудности пока будут.

— Николай Николаевич, если коротко, каковы основные итоги работы первой сессии Моссовета!

— Прежде всего, принятые на ней документы — по вопросам землепользования, о передаче и продаже жилья в частную собственность, о продаже нежилых помещений, о разгосударствлении торговли. Но это только начало. Даны поручения соответствующим комиссиям подготовить проекты окончательных решений. Основная работа еще впереди.

Беседу вел Л. КУЗНЕЦОВ

Михаил Москвин-Тарханов

ЗАКАТ «ТРЕТЬЕГО РИМА»?

Не совсем зависимая, полунезависимая и зависимая, но «имеющая свою точку зрения» пресса сегодня хором поет о том, что дальше так жить нельзя. И с этим соглашаются все, даже самые матерые чиновные «зубры». Передовые бойцы перестройки лупят бронебойными по доктринам основоположников, «травят собчаками» последних защитников идеологической цитадели, а «простой» народ как-то разом перестал гордиться завоеваниями нашего «социализма» и верить в свое светлое будущее. Это о чем-то говорит! Видно, и впрямь померла наконец насквозь лживая тоталитарная идеология. Приказали-с, так сказать, долго жить!

Это в первую очередь свидетельствует о том, что созданная в ходе военно-популистского реакционного переворота высшая фаза общества принудительного труда, модернизированная азиатская теократическая деспотия (ведь действительно, военно-коммунистическая идеология — плоть от плоти уравнительско-плебейских экстремистских религиозных движений средневековья и древнего мира) на сегодняшний день полностью исчерпала свои возможности. С огромным трудом, используя тотальную ложь и тотальные репрессии, нещадно эксплуатируя обманутый народ, ей удалось однобоко продвигаться вперед в индустриальной стадии развития общества, но в постиндустриальный мир ей, совершенно очевидно, дороги нет. Это и предопределило неизбежное загнивание этой наивысшей и последней из возможных традиционных формаций, и сейчас мы наблюдаем ее распад. Многие ученые, да и не только они, спорят о том, как называется то, что мы имели 70 с лишним лет: феодализм ли, госкапитализм ли, или казарменный социализм, или еще что-нибудь? Это занятный разговор за чашкой чаю, не более того. Какая разница, как звали больного, ежели он умирает на наших глазах!.. Вопрос в том, какие меры мы должны предпринять, чтобы облегчить его агонию, и как мы должны распорядиться его громадным наследством, которое, надо отдать ему должное, он сумел-таки накопить.

Трудами отечественных и зарубежных экономистов сейчас установлено доподлинно: для того чтобы выжить и начать развиваться, совершенно необходимо денационализировать экономику, передать ее в частные (кооперативные, смешанные, муниципальные, акционерные, профсоюзные и т. д.) руки, создать свободный рынок и не угнетать его, ввести необременительные и разумные налоги, стимулирующие высокопроизводительный труд, ликвидировать военно-бюрократические учреждения типа Госплана, Госкомтруда, Госснаба, различные отраслевые министерства и комитеты. Об этом пишут писатели, все это читают читатели, а воз и ныне там... И стоит наша система «в неглиже», не защищенная привычными идеологическими лохмотьями, под пристальными взглядами медленно звереющей публики. Ну и что, мало нам февраля да октября 17-го? Опять чего-то дожидаемся?

Впрочем, видать для острастки, нас иногда попугивают армией и диктатурой. Но у нас не Латинская Америка, у нас подобный балаган и несколько месяцев не продлится, хотя и дрянных дел может успеть натворить. Да и, надо сказать, вряд ли это вообще возможно: ведь армии да и КГБ с МВД не очень хочется из огня каштаны таскать... Они ведь кровно заинтересованы только в том, чтобы не было бунта и народного восстания, а в любом государстве армия, разведка да полиция себя прокормят. И если уйдут, в связи с разоружением, то на заслуженный отдых да на хорошую пенсию. Не верится что-то, что захотят они в такой крови да грязи мараться.

А нынешний начальник, который из общественной организации, уже не тот. Он живет не спеша и с оглядкою, любит дом — свою крепость, любит жить со вкусом, бывать за границею, читает разные книжки, втайне презирает фанатиков и идеалистов. Это типичный российский чиновник, уже не имеющий практически никакого отношения к страшным комиссарам времен гражданской войны. И думает он как чиновник, и поступает аналогично. С таким материалом диктатуру настоящую не создашь. Так что и нечего пробовать. А вот дотянуть ситуацию до взрыва они именно в силу своей косности и нерешительности, пожалуй, могут. Нечего ждать, господа товарищи! Сколько веревочке ни виться, конец будет, да и вот он уже виден. Трудная предстоит операция, но болезнь запускать дальше нельзя, опасно для жизни!

Однако беда в том, что не знают начальники, как будут жить в новом, совершенно незнакомом мире. Рабочий знает, крестьянин знает, продавец, учитель, врач кое-как догадываются, тем более знают кооператор и политик-демократ, а советский партработник, экономист из Госплана, чиновник — не знают. Им бы хотелось, чтобы новые силы работали на них, их кормили. Для этого, естественно, они должны их контролировать, а эти силы не допустят контроля над собой. Потому и не берут многие землю и предприятия в аренду, не переходят на новые формы хозяйствования, ибо «знают наших»... Вот вам и «паралич власти».

Реально «вопрос вопросов» сегодняшнего дня — куда и как пристроить представителей уходящего правящего класса. И тесно связанный с этим еще более общий вопрос — куда и как направить неизбежно освобождающуюся трудовую армию людей, ставших «лишними» в новом, быстро меняющемся мире. Еще один мучительный вопрос — как сохранить минимальный прожиточный уровень жизни пенсионеров, инвалидов, многодетных и многосемейных граждан, матерей-одиночек, студентов и беженцев.

От того, каким будет ответ на эти вопросы, реально зависит вся дальнейшая судьба народов нашей страны.

Создать хорошо оплачиваемые рабочие места, финансировать социальные программы дряхлеющий монстр государственной экономики явно не сможет. Вся надежда на рынок, на частный и акционерный капитал, на свободную конкуренцию, рост производительности труда и снижение затрат, на разумную организацию и саморегулируемость экономики.

Но сам рынок тоже надо создать, говорят некоторые. И создают посреднические конторы по натуральному обмену между государственными предприятиями леса на металл, колес на веники, шила на мыло и называют это «социалистическим рынком», а свою контору — «биржей»... Но для начала пусть хоть так!

Однако если разобраться, то рынок у нас уже давно есть и вовсю работает. Это та самая знаменитая «теневая экономика», где, по мнению обывателей, вовсю хозяйничает мафия. Сразу хочу заметить, мафия там действительно делает свои дела — торгует оружием, наркотиками,

специфическими «услугами» и т. п. Но большая часть дельцов «черного рынка» является обыкновенными перекупщиками, барышниками или, если угодно, спекулянтами. Часть их сейчас легализовалась, но большинство предпочитает не связываться с государством и не «засвечиваться». «Подмазывание» чиновников и милиции обходится, видать, им не слишком дорого. А легально, в кооперативе, все те же поборы, да плюс налог, да плюс отсутствие уверенности в завтрашнем дне.

Но сердцем «черного рынка», как и любого нормального рынка, являются финансы: в нашем случае это торговля валютой, золотом, драгоценностями, антиквариатом, произведениями искусства. Именно этот рынок является той «черной биржей», о которой нам так долго говорили большевики, что ее у нас не быть не может. Она определяет курс рубля на «черном рынке» и уровень дефицита на «светлом». Ведь если «теневая экономика» имеет 350 миллиардов рублей, то она, безусловно, контролирует всю реальную экономическую жизнь страны.

Можно ли с ней бороться? Предлагайте рецепты, граждане, и мы вместе посмеемся...

Ну ладно, предположим, удастся ее обуздать, выиграет ли от этого государство или народ? Нет, не выиграет. Всего изъятого хватит покрыть один раз бюджетный дефицит, а потом опять застои и полная беспросветность.

Да и зачем это делать, чтобы потом опять мучительно искать «пути перехода к рынку»? А рынок здесь, под боком, ничего искать не надо.

Когда-то английские короли, которые подолгу не могли избавиться от пиратов, начали выдавать им свидетельства об амнистии, а наиболее выдающихся из них делали губернаторами и лордами. И ничего на этом не потеряли, заметьте! Только выиграли. Так не лучше ли и нам сделать «черный рынок» нормальным общесоюзным рынком? И станут преступные главари спекулянтов законопослушными владельцами ресторанов и бензоколонок. И разрушительная энергия этих, надо заметить, смелых и одаренных людей будет служить процветанию страны, а не ее обнищанию. У нас вообще предприимчивых людей немного, нечего ими разбрасываться. Что было при застое, то было его порождением, за это нечего спрашивать с тех, кто не мог найти иного применения своим коммерческим способностям. И далеко не все, я полагаю, потеряли совесть, работая в «теневой экономике», и многие готовы будут вернуться к честной жизни легальных коммерсантов, если их призовет к этому правительство народного доверия.

Однако все далеко не так просто. Я бы хотел остановиться на тех мерах, которые, по моему мнению, могут быть необходимы для перехода к легализации «теневой экономики», приватизации государственной собственности и быстрому созданию рынка в наших условиях.

Во-первых, совершенно необходимо начать движение к конвертируемости рубля и прекратить спекуляцию валютными ценностями. Для этого необходимо закупить на Западе именно те товары, которые наиболее активно «задирают» курс твердой валюты по отношению к рублю (компьютеры и радиоэлектроника, модная одежда и обувь, косметика), прервать, хотя бы на время, рост цен на «черном рынке» и снять ситуацию дефицита и диктата продавца, которые ощущаются и там как отражение общей дефицитности «светлой экономики». Затем, поскольку «черная биржа», безусловно, ценит рубль по его золотому содержанию, т. е. курс рубля по отношению к твердой валюте в значительной степени

зависит от цены на золото в госторговле при условии его свободной продажи,— провести небольшое снижение цены на золото и выбросить большую партию золота и драгоценных камней на внутренний рынок. Так как свободная наличность у «теневых дельцов» и просто граждан к этому моменту будет хотя бы частично связана, то массовая скупка золота уже не примет катастрофические масштабы, рынок золота стабилизируется, курс рубля поползет вверх. В этих условиях можно быстро ввести закон о праве граждан иметь и вывозить за границу любые валютные ценности и использовать их внутри страны как законное средство платежа.

Параллельно с этим необходимо начать широкую распродажу государственных имуществ с выдачей гарантии, ссуд и займов, с выпуском ценных бумаг, различных акций и облигаций. Должны быть введены законы о частном предпринимательстве, акционерном и смешанном капитале. Налог с предприятия этого типа должен быть на первых порах снижен, как с новых форм экономики, до 15—25 процентов. Должны быть обеспечены правовые гарантии для любых инвестиций в частный сектор экономики иностранного капитала. Необходимо также установить законодательно предельно допустимую ставку налога в нашей стране (не более 35 процентов при среднем налоге 20—30 процентов).

Сразу бросается в глаза, что в этом случае новые формы экономики имеют возможность взойти как на дрожжах, особенно при поддержке иностранного капитала. Однако государство потеряет ряд доходных статей и без того дефицитного бюджета. Чтобы спасти государство от банкротства, а страну от взрыва, необходимо усилить на первых порах экспорт всего, что «они» готовы купить, а у нас лежит без надобности, получить иностранные займы, сократить помощь нашим «союзникам», сократить бесчисленные никчемные государственные расходы, а основной статьей дохода сделать продажу государственных имуществ на внутреннем рынке. Такая ситуация продлится недолго, скоро экономический «бум» наполнит государственные карманы полновесными конвертируемыми рублями. И государство к тому времени изменится, станет реальной политической машиной, а не винегретом из экономики и идеологии, как у нас это имеет место до сих пор.

Откуда такие радужные прогнозы, спросите вы. Ведь вон в Польше совсем несладко. Да, действительно так. Но, в отличие от Польши, Болгарии, Румынии, даже ГДР и Чехословакии, наше государство фантастически, безобразно, немыслимо богато. Оно задыхается от собственного богатства, не в силах переварить кубанские урожаи и импортные станки. Оно умирает от жадности и обжорства. Не плачьте над этим монстром, он не стоит того. И первое, что ему нужно, чтобы он не помер, это хорошее валютное, золотое и имущественное «кровопускание», а потом низкокалорийная бюджетная «диета» на протяжении нескольких лет. Надо постоянно стремиться к тому, чтобы у нас было бедное государство и богатый народ. Поскольку наша государственная машина состоит уже не из твердолобых комиссаров и деревенских простофиль, а из нормальных, неплохо образованных чиновников, то есть шанс, что, изменившись, преобразовавшись и реорганизовавшись, наш чиновный слой сумеет сам адаптироваться и обеспечить материально свое существование в новом обществе. Народ же станет реальным хозяином не каких-то там «общенародных богатств», а собственником, конкретным владельцем земли, квартиры, дома, мастерской или акций предприятия или высокооплачиваемым работником наемного труда, спо-

собным не только кормить семью, но и обеспечить ей уровень жизни, достойный гражданина нашей великой страны.

Но где же справедливость? Ведь те, кто является хозяином жизни сейчас, смогут стать хозяевами и в новом обществе! Ну, во-первых, автоматически это не получится, это удастся только людям действительно деятельным, знающим и способным к руководству и бизнесу, а во-вторых, где вы видели в нашем, да и в любом другом обществе равенство и справедливость? Чтобы достичь этого идеала, нужна работа поколений, все же скороспелые попытки построить новое общество прямо сейчас, сегодня, на основе свободы, равенства и братства являются просто реакционными утопическими мечтами и приводят к террору, нищете и еще худшему неравенству. Так что давайте-ка все вместе поступимся всеми нелепыми «принципами», откажемся от уродливых «идеалов» и примемся за дело возрождения нашей великой страны в соответствии с логикой и здравым смыслом.

В противном случае, если мы затянем реформы, нам грозят разруха и широкомасштабные социальные конфликты, последствия которых трудно себе даже вообразить. Особенно опасная ситуация на сегодняшний день может сложиться в самом сердце нашей страны — в Москве.

Особая ситуация Москвы заключается в том, что это город, с одной стороны, преимущественно населенный разного рода чиновниками и не занятыми непосредственно в сфере материального производства государственными служащими, а с другой стороны, город пенсионеров и учащейся молодежи.

На сегодня из 9 миллионов жителей Москвы 2,2 миллиона пенсионеров, 700 тысяч студентов и учащихся ПТУ, а также многочисленные группы малоимущих, многодетных граждан, матерей-одиночек.

Это означает, что, даже если отбросить небольшую группу работающих студентов и пенсионеров, останется свыше 3 миллионов граждан, которые при переходе к рынку могут рассчитывать только на помощь действенных и эффективных социальных программ.

С другой стороны, в Москве работает примерно миллион научных работников. Труд большинства из них непроизводителен и даже бессмыслен. Если сотрудники высокоэффективных академических и отраслевых НИИ, оборонных и промышленных КБ могут рассчитывать на сохранение за собой рабочих мест, то работники, скажем, общественно-политических или ведомственных НИИ должны чувствовать себя сегодня подобно жителям Помпеи перед извержением Везувия. Многие чиновники также неизбежно должны будут потерять работу, а эта категория «трудящихся» в Москве насчитывает, по моим оценкам, порядка 800 тысяч — 1,2 миллиона человек. Сокращение количества работников науки и чиновников даже наполовину, а меньше и нельзя предполагать, вызовет появление порядка миллиона безработных. Большинство граждан может также при структурной перестройке народного хозяйства в Москве оказаться временно безработными. Если же при этом будет продолжаться экономическая стагнация, армия безработных может достигнуть 15—30 процентов от общего трудоспособного населения города. А учащиеся средних учебных заведений, которых около 600 тысяч, а дошкольники? При небольших доходах даже работающих родителей многие из них будут нуждаться и уже сегодня нуждаются в социальной защите.

Другими словами, может случиться так, что в Москве социальными программами должно быть дополнительно охвачено в условиях развернутого перехода к рынку порядка 4—5 миллионов человек, т. е. около **половины населения города!** Каждый второй... Эта ситуация уникальна и таит в себе многие опасности.

Именно в Москве острее всего могут почувствоваться просчеты, нерешительность и топтание на месте в проведении реформ, равно как и непродуманность и слабость государственных и муниципальных социальных программ.

Вариант ползучей экономической реформы по плану Рыжкова — Абалкина, с особой заботой о государственном кармане и с призывом «затянуть пояса»,— это стагнация, хаос и, как результат, потеря контроля над ситуацией, экономический крах. Какие уж тут могут быть социальные программы?!

«Шоковый вариант» — да, конечно, он может дать свои результаты. Но наши малоимущие будут на грани голода, чем воспользуются все антиперестроечные и антирыночные силы. Это тем более будет опасно, так как результаты такой терапии не сразу проявятся. Колоссальные ссуды и инвестиции в новые формы экономики плюс на первых порах резкое сокращение государственных доходов не позволят создать эффективную социальную защиту.

Таким образом, обе эти «крайние точки зрения» ставят население на грань кризиса и гражданской войны. Истина посередине? Это не так, посередине не истина, а эклектика и непоследовательность! Нельзя все время «пробовать лапкой лед».

На мой взгляд, водоразделом истинных «рыночников» и сторонников полумер является вопрос о государственной собственности, а именно о ее тотальной денационализации и приватизации. Специфика нашей страны заключается в том, что мы имеем хорошие шансы провести свой, еще более кардинальный вариант «плана Бальцеровича» без обеднения народа и в более сжатые сроки, получив на выходе из кризиса экономический бум и в результате сделать «русское чудо». Как это возможно, используя уже сложившиеся в недрах общества экономические рыночные структуры, я и попробовал кратко и очень схематично изложить выше.

Применительно к ситуации в Москве этот план позволил бы соединить пусть недостаточно эффективные государственные меры социальной защиты с муниципальными программами и с нарождающейся частной благотворительностью. Перед тем как подробнее остановиться на этом вопросе, мне бы хотелось рассказать, каким я вижу частный сектор Москвы в будущем и о возможных путях его формирования.

Начнем с того, что возможности приватизации государственной собственности в Москве довольно ограничены. Конечно, можно распродать часть легковых автомобилей и все квартиры по необременительным ценам и с предоставлением льготных и безвозвратных ссуд. Можно и просто раздать квартиры из расчета вычисленной среднедушевой нормы... Ну и что? Что от этого изменится? Начнут бесконечно продаваться и перепродаваться на «черном рынке» квартиры и автомобили, коекакие средства получат граждане, и это все... Продавать дома, земельные участки? Но в домах живут люди, земля застроена. Разве что на окраинах или на Ходынском поле (там ее на сотню миллионов долларов, наверное, наберется, ведь почти центр, по нынешним понятиям). Выселять конторы, продавать особнячки и целые этажи... конторам же, но более богатым, иностранным. Это неплохой источник доходов для муниципалитетов, особенно в центре, но в структуре экономической жизни существенно такая перетасовка ничего не меняет... Нет, это всего лишь частичные некардинальные меры...

Что я могу предложить?

Во-первых, развитие туристического бизнеса и передача его почти полностью, я повторяю, почти полностью, в частные руки. Продажа «с молотка» гостиниц, баров, ресторанов, автобусного и таксомоторного парков, подсобных хозяйств и проч. Скажете, жалко, как же можно так наше «родное государство» обидеть? Старая логика! Еще раз повторяю: именно «обидев» наше «родное государство», можно спасти наш родной народ. В том числе, прошу заметить, и конкретных служащих, винтиков этого государства. Так что пусть акционерный, смешанный и частный капитал будет основным, ведущим хозяином московского туризма.

Теперь сфера обслуживания. Здесь сложнее, это должны быть объекты как муниципальной, причем локально-муниципальной, собственности, так и частные (кооперативные) предприятия, тщательно организованные в единую инфраструктуру. Здесь недопустим малейший волюнтаризм, так как от функционирования всей сферы обслуживания зависит уровень жизни населения города.

Транспорт? Здесь должно быть партнерство общемосковских муниципальных служб с частным и акционерным капиталом.

Промышленные предприятия? О, это сложный вопрос. Здесь все формы собственности — от частной, кооперативной до государственной общесоюзной.

Но главное для Москвы — не это! Москва — это центр, центр и еще раз центр... Здесь должны сойтись воедино все торговые и финансовые пути, здесь должны заключаться крупнейшие сделки, здесь должны функционировать торговые и финансовые биржи, располагаться крупнейшие банки. Москва должна стать финансовым и торговым сердцем страны — в этом ее спасение. Иначе на наших глазах возникнут многочисленные финансовые биржи, ярмарки, коммерческие банки в других городах, и жизнь начнет уходить из столицы. Вот это и будет закатом «третьего Рима»! Этого нельзя допустить хотя бы потому, что здесь находится политическое сердце страны и несколько миллионов людей, которым будет нечего терять в случае экономического краха. Пора перестать надеяться на русское «авось». Надо избежать гражданской войны, чтобы были живы мы и наши дети. Наш путь должен быть прям, и цель должна быть указана — современное динамичное демократическое общество западного типа, общество неисчерпаемых возможностей, общество нашего с вами будущего! И — долой государственную собственность! Пусть кормится, как и полагается, от налогов, а не от нашей с вами монопольной эксплуатации!

Конечно, общество западного типа у нас будет со значительной российской спецификой, что меня весьма радует! Ведь, к примеру, одной из черт именно российского частного капитала по мере его вырастания «из пеленок» стала благотворительность, поддержка земского движения, культуртрегерство и меценатство. Это было вызвано не только уровнем духовности или сознания русского капиталиста, но и насущной потребностью жизни. Именно на русских капиталистов вели охоту реакционная левая и правая пресса, эксплуатировавшая популистские настроения тех или иных отсталых, мыслящих на феодально-общинном уровне слоев населения. Ведь представитель придворной элиты и последний холодный сапожник-пьяница вместе ненавидели «мироедов и толстосумов». Новым людям, передовой буржуазии и интеллигенции противостоял во всей своей совокупности косный и агрессивный традиционный мир, пустивший свои глубокие корни и в русское рабочее движение. Не случайно рабочее движение, соединившись с аграрной революцией и солдатским

бунтом, не смогло родить новое общество, даже истребив господствующие феодальные слои, ибо вместе с классом чиновников и землевладельцев уничтожило и новые классы — интеллигенцию, буржуазию и кадровых высококвалифицированных рабочих. Неизбежный регресс привел к сползанию до уровня ниже предшествующего с последующей сменой фаз в ходе адаптации к задачам и целям индустриального общества и с неизбежным крахом в конце этого тупикового пути. Вершиной классического феодального общества считался «просвещенный абсолютизм». Ан нет! Оказывается, бывает и «просвещенный тоталитаризм», в нем сейчас находимся мы. И это уже действительно последняя фаза старого общества, за которой для него уже нет ничего.

На протяжении всего своего развития этот строй не прекращал борьбу против самого своего опасного врага — западного общества, осуждая его ценности и сосредоточивая свой демагогический огонь на принципе частной собственности. Как глубоко засел предрассудок о вреде частной собственности в сознании народа, и говорить не приходится. Это предполагает, что при любом серьезном кризисе все общественное недовольство может быть легко направлено из-за кулис чиновными «феодалами» против частного капитала. И тогда новая экспроприация — и опять во мрак средневековья. Чтобы противопоставить что-либо этой одуряющей лжи, наш частный собственник, равно как некогда и его «дедушка» — старый русский купец или промышленник, будет вынужден с самого начала доказывать обществу свою нужность и полезность. Именно на этом становом хребте экономики можно будет без труда, при значительной поддержке заинтересованных частновладельцев, построить широчайшие социальные программы, развить благотворительную деятельность.

И какие возможности откроются в Москве, если она станет крупнейшим мировым финансовым и коммерческим центром, не надо и говорить. И наши пенсионеры получат лечение, уход и отличное питание, и наши дети будут иметь все нужное для своего развития, появятся новые рабочие места, будут выплачиваться пособия...

Жизнь станет осмысленной, пронизанной реальными интересами, реальными стимулами, динамичной и яркой. И через 10—15 лет мы не узнаем свою страну и свой город. Сказки, скажете вы. Ничего подобного, вспомните Японию и Германию, которые за считанные годы не просто поднялись из руин, а вышли в группу самых передовых стран мира.

Слава Богу, у нас пока еще не руины! Не будем же дожидаться развала нашего «вечного города», нашего «третьего Рима»...

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 7. Хворост. 8. Опунция. 11. Роттердам. 14. Эксикатор. 15. Тужурка. 16. Рассада. 17. Корсика. 18. Вязание. 19. Уклад. 23. Осоед. 24. Валуй. 25. Постамент. 27. Осокорь. 28. Скрипач. 31. Универмаг. 32. Луара. 35. Кианг. 37. Алгол. 39. Икебана. 41. «Медведь». 42. Частное. 43. Донской. 45. Гибралтар. 46. Незабудка. 47. Мангуст. 48. Реприза.

По вертикали: 1. Святослав. 2. Природа. 3. Астат. 4. Спика. 5. Антифон. 6. «Финансист». 9. Мозаика. 10. Подклет. 12. Муляж. 13. Булахов. 14. Эклиптика. 20. Дансинг. 21. Кусково. 22. Омнибус. 23. Ондатра. 26. Проректор. 29. Самбист. 30. Чичерин. 31. Универсал. 33. Альтруизм. 34. Золовка. 36. Антон. 38. Идальго. 40. Танагра. 43 «Даиси». 44. Йемен.

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Эта истлевающая облохмаченная брошюрка в 16 страниц на дурной бумаге военного времени, с опечатками, без художественного глаза изданная,— драгоценнейшая книга моей библиотеки: не знаю, сохранилась ли где другая такая в Союзе,— в наших печках 30-х годов уж такие-то погибали и от гонителей и от хранителей. А издана брошюра собранием уполномоченных петроградского пролетариата в марте 1918, тотчас после бегства советского правительства в Москву.

За 55 лет практического большевизма всё багровое у нас так орозовлено легендами и ложью, что даже соотечественникам истина совсем уже не видна, где ж говорить о Западе! И кто прозревает, тот для себя, перед взором собственным, сшибает лжи последние, недавние, очень явные и неумные,— а уж те, что приросли к корневищу, то ли земля святая, то ли сам ствол,— мы уж дружно почитаем за правду, мы и не наклоняемся разглядеть и очистить.

Такова и первая, исконнейшая ложь нашей революции: будто бы партия большевиков в годы переворота выражала интересы, исполняла волю РАБОЧЕГО КЛАССА, и особенно, конечно, петроградского. Из этой публикации читатель быстро увидит, как русский пролетариат в той «революционной колыбели» понимал правительство захватчиков.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОБРАНИЕ
уполномоченных
ФАБРИК И ЗАВОДОВ
г. Петрограда

№ 1—2 18 марта 1918 г. *20 коп.*

18 марта. Петроград

В разгар последнего наступления австро-германцев, когда рабочие Петрограда метались из стороны в сторону, не зная, что делать, за Невской заставой собрались представители разных фабрик и заводов, социалисты и беспартийные, чтобы общими усилиями найти выход из создавшегося тупика.

Перед ними встали все страшные вопросы нашей действительности. Сложное внешнее положение; голод; эвакуация, ведущаяся неумело и добивающая промышленность и рабочих; грозный призрак безработицы сотен тысяч петроградских пролетариев, покинутых на произвол судьбы...

Надвигающиеся беды русские рабочие встречают безоружными. За год революции рабочие лишились своих классовых организаций. Заводские комитеты — как видно из помещаемых ниже сообщений с мест — сделались послушным орудием Советского Правительства. Профессиональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуют борьбы в защиту прав рабочих. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов точно боятся рабочих: не допускают перевыборов, забронировали себя; они превратились только в правительственные организации и не выражают больше мнений рабочей массы.

Печатается по журналу «Континент» (2, 1975).

Чтобы обсудить все эти вопросы, чтобы рабочий класс не был окончательно раздавлен, чтобы организовать его борьбу, собрание рабочих за Невской заставой признало необходимым немедленно же приступить к созыву чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда.

Уполномоченные на это чрезвычайное собрание должны быть свободно избраны по заводам и фабрикам после обсуждения создавшегося положения на общих собраниях и митингах.

Для выполнения этой работы собрание за Невской заставой избрало организационное бюро в 25 человек.

Оно обратилось с воззванием немедленно производить выборы; в районах были созданы местные организационные бюро. К 13-му марта большинство крупных заводов и фабрик г. Петрограда избрали своих уполномоченных. 13-го марта открылось 1-е заседание чрезвычайного собрания уполномоченных.

Все фабрики и заводы или отдельные мастерские, на которых выборы делегатов еще не произведены, должны немедленно выбрать своих представителей.

В этот мучительный и страшный час рабочие должны выполнить свой классовый долг.

ПРОТОКОЛЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБРАНИЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ФАБРИК И ЗАВОДОВ
13-е МАРТА 1918 года

1-е заседание

Присутствуют уполномоченные предприятий: Путиловского завода, Семянниковского, Обуховского, Трубочного, Балтийского, Александровского механического, Пороховых; Сименс и Гальске, Вестингауз, Паровозных мастерских Николаевской жел. дор., Вагонных мастерских (за Московской Заставой), Вагонно-Строительных мастерских Николаевской жел. дор., Паровозных мастерских (за Нарвской заставой), Вагонных мастерских Сев.-Зап. жел. дор. Фабрик: Паль, Максвель, Пылинина, Блигкен и Робинсон, Электрической станции, типографий: Голике, «Копейка», «Слово», Первой Государственной, Шестой Государственной.

Председатель т. БЕРГ знакомит Собрание с целью созыва Чрезвычайного Собрания уполномоченных. Необходимо создать, говорит он, Рабочий орган для оформления общественного мнения и для объединения воли петроградского пролетариата. Профессиональные союзы разрушены, занимаются организацией хозяйства, а не защитой интересов рабочего класса. Советы сделались судейскими палатами, акцизными учреждениями, полицейскими участками и проч. Эти органы теряют право говорить от имени рабочих. Нам необходимо принять меры к восстановлению и возрождению наших организаций. Наше Собрание — не последнее. Мы устроим ряд таких собраний и обсудим все вопросы, связанные с нашим экономическим и политическим положением. Бюро по созыву настоящего собрания предлагает следующий порядок дня:

1. Отчеты с заводов.
2. Ближайшие задачи в связи с Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. Продовольственный вопрос.
4. Вопрос об эвакуации.
5. Выборы постоянного Бюро.

Организовано Собрание следующим образом: решающий голос предоставлен только уполномоченным фабрик и заводов и членам Советов — Центрального и Районных; совещательный голос — Районным Организационным Бюро по созыву Чрезвычайного Собрания, Центральному Организационному Бюро, Петроградскому Союзу Потребительных Обществ, Районным Кооперативным Объединениям, Профессиональным Союзам.

Тов. РАГОЗИН. Предлагает дать совещательный голос присутствующим в собрании представителям политических партий.

Голосованием этот вопрос решен отрицательно.

Тов. ГЛЕБОВ (Путил. завод). Предлагает пополнить порядок дня докладом по организационному вопросу — «как организовать рабочий класс».

Предложение тов. Глебова принимается.

Тов. БОГДАНОВ. Третьего марта за Невской Заставой состоялось собрание рабочих-социалистов и безработных, по вопросу о положении петроградских рабочих в связи с возможной оккупацией, безработным и продовольственным кризисом и проч.

Собрание констатировало, что деятельность существующих рабочих организаций извращена. Профессиональные Союзы участвуют в организации хозяйственной жизни и в качестве органов защиты интересов рабочего класса теряют значение. Заводские комитеты заняты захватом предприятий. Работа кооперативов встречает внешние препятствия. Что касается Советов Депутатов, то они превратились в органы правительственной власти и потеряли характер классового представительства пролетариата. Рабочие остались без органов защиты, им необходимо сообща обсудить свое положение и найти способы восстановления своих классовых органов. Собрание выпустило воззвание ко всем рабочим и работницам Петрограда с призывом организовать выборы Уполномоченных по заводам и фабрикам. На следующий же день создалось Организационное Бюро в Нарвском районе, которому удалось до сих пор организовать выборы только на Путиловском заводе; такое же Бюро создалось на Васильевском острове и еще в некоторых районах. Инициаторы этого Собрания предполагают, что Собрание займется обсуждением практических очередных вопросов рабочей жизни и что это обсуждение оформит мнения рабочих и тот перелом, который произошел в их политическом настроении.

Порядок дня принимается и слово предоставляется представителю Трубочного завода.

В Трубочном заводе на протяжении двух месяцев нельзя произвести перевыборов заводского комитета, несмотря на то, что общие заводские собрания выносили четыре раза постановления о перевыборах комитета. Постановлениям заводской комитет не подчинился, опираясь на вооруженную силу. Завод не работает больше двух месяцев.

Началась эвакуация машин; что касается рабочих, то за это время ушло якобы добровольно с лишком десять тысяч, остальные же подлежат расчету с сегодняшнего дня.

Из-за расчетов и вычетов добавочных сумм среди рабочих царит бурное противобольшевистское настроение. На днях довыбранные члены заводского комитета комитетом были не признаны. Вообще, заводской

комитет ведет себя по отношению к рабочим возмутительно: грозит пулеметами и проч.

Тов. БОЛОТОВ (завод Вестингауза). На заводе встал вопрос об эвакуации. Рабочие отправили депутацию в Совет Народного Хозяйства для выяснения условий эвакуации. Но ни на один вопрос в Совете не ответили: куда ехать? Куда хотите. Как ехать? Как хотите. Что везти? Что хотите. Так ничего в Совете и не узнали. А как же эвакуировать без плана, без средств перевозки?

Тов. ЛИТОВИН (завод Нобель). Завод национализирован. Часть рабочих поступила в красную армию, часть составила какой-то летучий батальон.

На днях от Шляпникова пришло распоряжение работать, пока не угрожает опасность Петрограду. Рабочие постановили: работ не производить и металлов с завода не выпускать. Новое распоряжение Шляпникова держится в секрете.

Когда был поднят вопрос на заводе о перевыборах в заводской комитет, большевики обратились в районный Совет, а те в Смольный; оттуда приказ — не допускать перевыборов.

На заводе «Старый Лесснер» районный Совет тоже запретил перевыборы.

Когда пришло распоряжение об эвакуации, мы обращались в районный Совет с вопросами: куда, зачем? Вывозить семьи запрещено, а увозить надо станки. В Совете ответили, что распоряжение о вывозе станков дано «для поднятия духа рабочих», чтобы поняли опасность и записывались в красную армию. Отправлялись в комиссию по разгрузке и там ничего не добились. В прошлом году кричали «долой Николая», теперь рабочие кричат «долой большевиков».

Тов. ЗИМНИЦКИЙ (завод Речкина). На заводе перелом в настроении рабочих. Но выборов на совещание не удалось произвести до сегодняшнего дня из-за апатии рабочих. Сегодняшняя денная смена произвела выборы в уверенности, что данное Собрание найдет выход из положения, в котором очутились петроградские рабочие.

Члены Совета с нашего завода заявили, что, если завод примет меньшевистскую резолюцию, они сложат полномочия. Но полномочий они все-таки не сложили.

Не так давно завод был закрыт на три дня за резолюцию против совета народных комиссаров. Получку стали теперь выдавать. В совете старост люди нейтральные, но в работе встречают всякие препятствия, ходят от одного комиссара к другому, но не могут ничего добиться.

Тов. ЖУЧКОВ (завод Речкина). Рабочие затерты. Рады найти такой орган, который помог бы им выбраться из тупика. Рабочим кажется, что все гибнет.

Недавно рабочие поехали за получкой. Им ответили: обратитесь в «Учредиловку», вы за нее голосовали, пусть она вам и платит.

Тов. ВЕСЕЛОВ (Государственная типография). У нас возникла мысль, что будет с рабочими, если эвакуируется правительство? Заказчиков нет, работы нет, заводские комитеты в тупике; рабочие вынесли резолюцию, чтобы в случае эвакуации правительства деньги переданы были бы для расплаты Хозяйственному Комитету Совета Казенных Типографий.

На днях получили бумагу: можете получить жалованье за полтора месяца. Но помощи в отношении выезда никто оказать не может. Кому удастся уехать, тот теряет на шесть месяцев право въезда в Петроград. Это якобы в интересах разгрузки города.

На все вопросы мы получаем один ответ: пока Советы у власти, вы будете получать с в о е, об остальном не беспокойтесь. Вчера был на заседании Совета Луначарский и говорил о трудовой коммуне. А что это, трудовая коммуна — масса не знает (с места голос: Это комму — на, кому — нет!). С надеждой смотрят на наше Собрание.

Тов. АБРАМОВ (Невский Судостроительный). Во многих мастерских завода уже произведены выборы на Собрание Уполномоченных. На днях будут выборы от остальных. К большевикам настроение явно враждебное. Кроме того, надо еще отметить одно явление — психологическую реакцию в рабочих массах, ощущение безвыходности и апатии вследствие этого.

Перед нашествием немцев остро стали экономические вопросы, в первую очередь вопрос об обеспечении рабочих на ближайшее время.

В банке предлагали поднять вопрос о ссуде, но рассмотрение нашего вопроса о ссуде было отложено там, и ответа мы еще не получили.

Остро стоит вопрос об эвакуации. Нет вагонов, рабочие волнуются, хотят хоть семьи вывезти, но и это не удается. Есть на заводе комиссия по разгрузке; узнали, что у Шляпникова в распоряжении есть какое-то количество больных вагонов; хотели получить их, чтобы самим привести их в годность, но Шляпников не разрешил.

Эвакуация производится сумбурно: сегодня распоряжение о выезде, завтра отменяется.

Рабочие разуверились в партиях. Свободу взяли, а удержать ее не сумели.

Выбирали на наше Собрание все больше беспартийных.

Тов. БЛОХИН (Охтенские Пороховые заводы). С начала революции производительность труда у нас сильно увеличилась, а когда, так сказать, взяли в свои руки предприятие, интенсивность сильно понизилась. Пришлось почти закрыть заводы. Хоть жалованье платят, а работы никакой нет. Старые работники завода организовались в особый рабочий союз. Теперь по всем вопросам заводской жизни происходит борьба между заводским комитетом и союзом.

Вопрос об эвакуации поднялся еще в июне. Создана была комиссия. Но потом пришло распоряжение демобилизовать заводы. Надо было разгрузить миллион пудов пороху. Заводской комитет ничем помочь не мог в организации этого дела. Делал все союз, причем квалифицированные металлисты делали черную работу, а чернорабочие отказывались участвовать в ней. Заводской комитет обещал каждому рабочему по рублю за разгрузку ящика сверх цеховой платы. Чернорабочие по три ящика сносили и отказались, но союз дело наладил и сумел заставить всех работать целый день за определенную плату.

Пока заводские комитеты будут носить административные функции, никакой созидательной работы не будет. Надо агитировать за то, чтобы они оставались только контролирующими органами.

СОЮЗ СЛУЖАЩИХ В АПТЕКАХ. Представитель союза рассказывает о положении дел в Общегородской Больничной Кассе. Она существует с начала января. Смета ее определена в 52 миллиона, но работы нет. Приемные покои на заводах разрушены. Больниц и амбулаторий новых не создано. Материальное положение самое неопределенное; сегодня есть сто тысяч, завтра может ничего не оказаться. Взносов предприятия не делают. Фабриканты сбежали во многих местах. Заводские комитеты денег не имеют или затрудняются их получить в банке. Закон, таким образом, не проводится.

Деньги из заводских касс в общую Городскую тоже не передаются. Из Страхового Товарищества нельзя было получить причитающиеся

общей Городской Кассе деньги (около миллиона), потому что деньги эти в кредитных бумагах, которые нельзя реализовать в банке.

Путаница среди рабочих ужасная. Ответственные большевики бегут из города, остаются люди менее ответственные, но на очень ответственных постах и, кажется, в большом страхе за свое будущее.

Тов. ЩЕГЛОВ (Общество Электрического освещения 86-го года). Комиссары издали декрет о секвестре нашего общества, но в декрете не указано было, кому оно должно принадлежать. Стали рабочие искать хозяина, наконец выяснилось, что общество должно принадлежать городу; но город не может взять общества, так как у него нет средств на выполнение всех обязательств этого общества и ему потребовалась бы субсидия от совета народных комиссаров. Наконец нашелся хозяин — Высший Совет Народного Хозяйства. Рабочие предъявили обычные городские ставки. Комиссия, созданная при Совете для рассматривания ставок, решила удовлетворить рабочих. Но комиссар общества воспротивился. Делегация рабочих пригрозила комиссару забастовкой. Есть предположение о приведении станции в негодность. Это ужасно. Тогда население останется без воды и хлеба.

Тов. ИЗМАЙЛОВ (Балтийский завод). До сих пор большевики играли доминирующую роль на заводе. В шрапнельной и других мастерских работали учетчики, которые относились к заводу, как к тюрьме. Эти люди цеплялись за лозунги «долой войну» и потому были большевиками, а теперь война окончилась, и они разбегаются с заводов, а население, кадровые рабочие, не были в сущности большевиками. Чем большевики больше действовали, тем больше они подрывали собственный авторитет. Недавно мы предприняли анкету, кто за совет народных комиссаров, кто за общий и единый революционный фронт. За совет комиссаров, т. е. за большевиков, высказалось 113 человек, за объединение демократии — 1899.

Исполнительный Комитет на заводе остался пока большевистский, но во всем подчиняется заводским решениям. Все понимают, что большевики обречены на падение, как бы ни был разрешен вопрос о войне и мире. На общем собрании решили завод эвакуировать, но со Смольным ничего сделать нельзя. Эвакуацию придется произвести собственными силами. Рабочие возлагают большие надежды на наше Совещание. Когда нас выбирали, ни одного голоса не было против того, чтобы создан был новый рабочий орган.

Тов. ДУНАЕВ (Фабр. Паль). У нас работа идет. Есть еще запас на 3—4 месяца. Комитет держим в руках. Все вопросы решаются на общих собраниях. Расплата производится 4 раза в месяц. Теперь, впрочем, не исключена возможность задержки в выдаче.

Известие о мире произвело ошеломляющее впечатление. Произвели перевыборы в Районный Совет, но он не собирается. Когда ни придешь — там сидят вооруженные люди, буржуазного вида, высокомерно встречающие рабочих. Кто они — мы не знаем.

В результате декретов о страховании, вычетов с рабочих в больничную кассу не производят, а хозяин взносов не делает. Касса тает.

Тов. БАРАНОВ (Паровозные мастерские Николаевской жел. дор.). При коалиционном правительстве была забастовка в мастерских. Временное Правительство издало декрет о расценках. После переворота 25 октября был издан новый декрет о ставках, но и теперь еще рабочие не знают определенно размеров своего заработка: получают по декрету Временного Правительства, получают плехановскую прибавку, получают авансы, а того, на что имеют право, рабочие не знают... ходили к разным комиссарам, но ясности никакой не добились. Теперь рабочие сильно

волнуются при известии об эвакуации правительства. Политическое настроение резко изменилось, большевиков бойкотируют, о социалистической республике больше не говорят, день 12 марта называли не годовщиной, а кончиной революции. Вагонные и Паровозные мастерские на общем собрании приняли декларацию, предлагаемую Организационным Бюро данного Собрания (напечатанную в конце).

Тов. РОЗЕНШТЕЙН (Путиловский завод). Работа на заводе почти кончилась еще в декабре. В шрапнельных мастерских и у нас, как в других заводах, имелось много так называемых колбасников и учетников — они все большевики. Завод будто бы отошел к рабочим, «национализирован», но это не верно. Рабочие тут ни при чем. Правительственное Правление назначено сверху Шляпниковым. Авторитета в глазах масс оно не имеет. В него входят далеко не лучшие рабочие нашего завода, и один даже назначен такой, которому целые округа выносят порицания и осуждения, но, видимо, это не действует — он со вчерашнего дня большевик. Идут массовые расчеты. Работало 36 тысяч, теперь 13 тысяч. Рабочие требуют, чтобы при расчете им выплачивалось за $1^1/_2$ месяца (так получали в шрапнельной мастерской), но в ответ Шляпников не только не принял нашей делегации, в которой и я находился, а даже отказали хотя бы выдать записку о том, что мы были и нас не приняли.

Единственную работу, хоть и кое-как, ибо ее саботируют большевики, ведет на заводе Центральная Следственно-распределительная Комиссия. Она является выбранной, составляет разные инструкции по приему и расчету рабочих и служащих, а иногда советуется и считается с мнениями рабочих. Рабочие говорят, что и на том спасибо.

Эвакуация также обсуждалась в течение около двух недель. За спиной рабочих, «шепчутся» — говорят рабочие, и составлен какой-то список заводских ценностей и материалов. Всего указано в размере 5%, но и на них требуется 1540 вагонов и платформ. Рабочие недовольны, что этот вопрос не обсуждали с ними, как близко касающийся их семейств, и, кажется, оказывают этому делу, по-большевистски решенному, не содействие, а скорей противодействие. По крайней мере, на запрос заводской экспедиции — выслать 100 рабочих на день — Распределительная Комиссия посылает, а рабочие возвращаются обратно и говорят, что другие рабочие мешают и говорят, что пусть сначала у нас спросят. Конечно, из этого пока ничего не вышло.

Тов. КАММЕРМАХЕР (Центральный Совет Печатников). Предлагает прервать информацию за поздним временем и обсудить вкратце политическое положение и ближайшие шаги в связи со Съездом Советов.

Предложение принято.

А. Н. СМИРНОВ. Мы выслушали ряд сообщений с мест, все чрезвычайно печальные сообщения. Перед рабочими стоят вопросы эвакуации, безработица, продовольствие, самоорганизация. Наша конференция и будущий орган будет жизненным только в том случае, если мы дадим не только критику положения, но и исчерпывающие ответы на практические вопросы.

В районах, где было сильно влияние большевизма, рабочие бросаются с левого на правый фланг. Надо выяснить и указать рабочим путь не правый и не левый, а соответствующий их интересам. Мы будем по возможности отвечать на все злободневные вопросы, но вопрос об общем политическом положении не терпит отлагательства. Завтра начинается Съезд Советов. Представительство на нем наполовину фальшивое: солдаты представляют сами себя, а рабочие депутаты не отражают уже настроения рабочих масс. А на Съезде стоят вопросы жизни и смерти. Необходимо, чтобы там прозвучал подлинный голос пролетариата. Мы должны выбрать из своего состава делегацию, которая поедет на Съезд и выступит там с изложением наших мнений.

СМИРНОВ оглашает от имени Организационного Бюро декларацию (текст помещен в конце этого номера).

Тов. КОНОНОВ (член Совета) высказывается за посылку делегации и излагает картину выборов на Съезд в петроградском Совете. Послано на Съезд 20 человек: 16 большевиков и 4 левых с.-р., представляют они 560 человек, считая и мертвые души Совета. Если бы соблюдена была пропорция, меньшинство получило бы не меньше двух мест. Теперь же мы остались непредставленными, необходимо нам поэтому здесь выбрать особых представителей.

Тов. КАММЕРМАХЕР. Если бы мы выслушали всех присутствующих, картина получилась бы полнее, конечно. Мы даже и не представляем себе всего несчастия, которое на нас надвинулось. Рабочие должны сказать на Московском Съезде, что они на нем не представлены, что от их имени там говорить никто не может. Газеты у нас нет и нет у нас никаких средств осведомить о переживаемом моменте рабочих всей России, что мы думаем о своем положении и о мерах своего спасения. Необходимо послать делегацию.

Тов. СОЛОВЬЕВ (Мастерские Николаевской жел. дор.). К сожалению, наше Совещание собралось слишком поздно. Если бы собрались вовремя, мы могли бы добиться перевыборов Советов. Но лучше поздно, чем никогда. Высказывается тоже за посылку делегации.

Тов. ОРЛОВ (член Совета). Я был в Совете, когда происходили выборы. Все выбраны от мертвых душ. Многие депутаты давно уже получили расчет, никогда на заводы не являются и никогда отчета не дают. Необходимо нам избрать делегацию.

Тов. ЕРМАНСКИЙ (член Совета). Высказывается за то, чтобы делегация добивалась допущения на Съезд не только для оглашения декларации, но и для участия в работах Съезда.

Тов. РАГОЗИН высказывается против посылки делегации, не этим надо заниматься, надо работать на местах, надо добиваться большинства в Советах.

Тов. НИКИФОРОВ (Трубочный завод). Меня выбирали на заседание уполномоченных для обсуждения вопроса о безработице, эвакуации и проч. Я не имею права голосовать за декларацию, так как эти вопросы не обсуждались на Собрании.

Тов. Н. ГЛЕБОВ (Путиловский завод). Высказывается против посылки делегации. Надо не знать большевиков, чтобы верить, что делегация будет допущена на Съезд.

Кроме того, что делегаты скажут там, на «Съезде»? Что он нехорошо составлен — большевистски и потому не имеет права решать вопросы за страну? Ну а если бы «Съезд» был меньшевистский. Что тогда? Имел бы он право? Сейчас именно вопрос не в том, каков «Съезд», а в том, что судьба мира или войны находится не в тех руках, в которых должна находиться. И в этом историческая беда русского народа и его несчастье.

В вашей декларации, которую вы даете делегатам, указано еще «Учредительное Собрание» — поверьте мне: для данного переживаемого и еще не изжитого, максималистского периода, это плохой лозунг. Вообще Учредительное Собрание можно сравнить для спокойного времени с хорошим белым хлебом, для данного времени, это паштетный пирог с уткой, а вы ставите это единственной задачей того

дня, в который народ русский ест мякину, конину и даже овес. Для этого нужно быть большим, почти больным мечтателем и, по-моему, неисправимо вредным. Должна явиться новая, творящая сила, национальный подъем, и нам, рабочим, социалистам, надо не опоздать вконец с нашей работой, исключительно в пределах нашего рабочего классового строительства. Один рабочий класс не может, не должен и не обязан воевать с четверным союзом, возглавляемым Германской империей. Это дело не большевиков и не меньшевиков и не петроградских рабочих, а всей страны, и чем позднее разовьется у народов государственное самосознание, тем хуже для них.

Тов. БЕРГ. Здесь говорили, что нам надо заниматься практическим делом. Но то, что 10 человек уедет, нам не помешает работать. Говорят, что не пустят на Съезд. Может быть, не пустят, но московские рабочие нас выслушают.

Вопрос о посылке делегации ставится на голосование.

61 голосом против 8 при 19 воздержавшихся вопрос о посылке делегации решен положительно.

Декларация, оглашенная А. Н. Смирновым, принимается Собранием единогласно.

По предложению Б. О. Богданова Собрание постановляет, что делегация должна действовать как коллегия.

Товарищ Глебов просит снять свою кандидатуру в Москву, выставленную путиловцами.

Выбранными оказались: Измайлов (Балтийский завод), Орлов (Парвиайнен), Зимницкий (Речкин), Каммермахер (Всероссийский Союз Печатников), Розенштейн (Путиловский завод), Абрамов (Семянниковский завод), Соловьев (Вагонные мастерские Николаевской жел. дор.), Кононов (член Совета), А. Н. Смирнов (Патронный завод), Борисенко (Трубный завод), Сопко (Обуховский завод). Следующее заседание назначается на 15 марта в 3 часа дня.

2-е заседание

15 марта

Присутствуют уполномоченные от следующих предприятий: Путиловского завода, Обуховского, фабр. Паль, Семянниковского завода, Трубочного завода, Паровозно-Строительных мастерских Николаевской жел. дор., Пороховых Заводов, Балтийского завода, Русско-Балтийского Авиационного, Русско-Балтийского Воздухоплавательного, Типографии Народного Банка, Типографии бывшего Градоначальства, 1-й Государственной, 6-й Государственной, 9-й и 10-й Государственных типографий, Типографии Маркуса, Общества Электрического Освещения 86-го года, Экспедиции заготовления Государственных Бумаг, Управления Николаевской жел. дор., Мастерских Сев.-Зап. жел. дор., Общества «Гелиос» и др.

Председательствует Берг, обязанности секретаря исполняет А. П. Краснянская.

БЛЕЙХМАН просит предоставить ему совещательный голос, как секретарю заводского комитета фабрики «Скороход».

Председатель разъясняет, что по уставу, принятому Собранием, секретари заводских комитетов, если они не являются уполномоченными, не пользуются правом голоса, на данном собрании Блейхман настаивает, чтобы этот вопрос был подвергнут голосованию.

Голосованием Собрание высказывается против того, чтобы Блейхману, как не выбранному на Собрание, был предоставлен голос.

Тов. БОГДАНОВ предлагает продолжить информацию, как и на 1-м заседании, хотя бы в течение часа.

Предложение принято.

Тов. КОНОНОВ (Арсенал). Распоряжения об эвакуации разрушили всю работу. Пустить вновь завод нет почти никакой надежды. Третьего дня неожиданно получился приказ приступить к мирной работе. Поехали за деньгами для расплаты с рабочими. Ответили, что денег не будет потому, что рабочие Арсенала когда-то получили лишние. На общем Собрании выяснилось все-таки, что расчеты происходят, и что рассчитываются рабочие сотнями. Через несколько дней рассчитано, вероятно, будет большинство, а выбраться отсюда нет никакой возможности.

Тов. КАММЕРМАХЕР. То, что мы прошлый раз слышали о Первой Государственной типографии, происходит во всех казенных типографиях — в частных еще хуже. Большевистская власть ведет все время политику, враждебную печатникам. Гонения на печать и подобные меры добили почти всю типографскую промышленность. Типографии всех больших газет захвачены, но правительство не имеет достаточного количества людей, чтобы использовать все станки. В «Новом Времени», например, работало пятьсот человек, теперь работает полтораста и т. д. Безработица растет, а Правление Союза почти не вмешивается во все это. Безработные предлагали ряд мероприятий, но Правление во внимание не приняло этого; самая серьезная мера — отмена декрета о печати. Другие рабочие могли бы помочь в борьбе за свободу печати. Это соответствует общим интересам рабочего класса, а не только профессиональным интересам. Рабочие, особенно в такой тяжелый момент, должны иметь возможность свободно обсуждать все свои нужды. Предлагаю сегодняшнему собранию отправить делегацию в Союз Печатников с изложением всех соображений по вопросу о борьбе за свободу печати.

Собрание принимает следующую резолюцию в защиту свободы печати:

«С самого октябрьского переворота большевики поставили одной из важнейших задач борьбу со свободным словом. Все газеты, критиковавшие их деятельность, были объявлены контрреволюционными, конфисковывались и закрывались.

Правительство, именующее себя рабоче-крестьянским, боится свободного слова и особенно охотно душит именно социалистические газеты, те самые, которые читают рабочие и крестьяне.

«Правительство рабочих и крестьян» запрещает рабочим и крестьянам выбирать себе чтение по вкусу и предлагает им лишь свои казенные перья.

Никогда еще не был так задушен голос всей честной и независимой печати, как в эти страшные дни, когда смертельные угрозы нависли над родиной, над революцией, над рабочим классом.

Как царское правительство особенно стало бояться правды во время войны, так особенно боятся правды народные комиссары теперь, когда их безумная и преступная политика отдала Россию во власть завоевателям.

За спиной народа, за спиной рабочего класса совершаются тайные сделки с германскими хищниками. Петроградские рабочие оставляются на произвол судьбы, и все это делается при гробовом молчании рабочих, ибо у них отнята свободная печать и скованы их уста.

Ввиду всего этого, мы — уполномоченные фабрик и заводов Петрограда — обращаемся ко всему петроградскому пролетариату с предло-

жением начать немедленную **борьбу за свободу печати.** Мы предлагаем на всех собраниях выносить резолюции протеста, посылать делегации в Смольный, в Союз Печатников, требовать в петроградском и во всех районных Советах восстановления полной свободы печати.

Особо обращаемся мы к товарищам печатникам, которых большевистская власть делает исполнителями своих **самодержавных** действий, заставляя их нести позорные и шпионские функции, и обрекает на массовую безработицу. Товарищи печатники должны вспомнить, что они были всегда авангардом пролетариата, и помочь рабочему классу добыть свободу печати. **Рабочий класс должен знать всю правду».**

Тов. А. Н. СМИРНОВ (Патронный завод). На нашем заводе тоже началась беспорядочная эвакуация без всякого плана. Сегодня одно распоряжение, завтра — оно отменяется, дается другое распоряжение.

Выборгский район всегда считался красным районом. Рабочая масса всегда дружно откликалась, когда ей предлагали какое-нибудь дело. Теперь рабочее население терроризовано красной гвардией. Не так давно на нашем заводе был такой случай. Обсуждался на общезаводском собрании вопрос об эвакуации. Рабочий Кузьмин в своей речи употребил слово «зараза» по адресу красной гвардии. Через несколько минут красногвардейцы ворвались вооруженные в помещение завода, щелкая затворами винтовок, грозя штыками, произвели панику в собрании, на котором было много женщин, бросились на Кузьмина, ранили его штыком и поволокли в штаб красной гвардии.

Под влиянием всех этих обстоятельств, о которых все здесь говорили, рабочие правеют.

Необходимо проделать всю работу, вытекающую из задач нашего Собрания. На ряде заводов Выборгской стороны были уже Собрания, на которых обсуждался вопрос о чрезвычайном Собрании Уполномоченных.

Тов. ЛУКЬЯНОВИЧ («Гелиос») сообщает, что общее Собрание сочувственно отнеслось к идее Собрания Уполномоченных.

Тов. ЗОТОВ (Трубочный завод). На заводе была выбрана комиссия по вопросам эвакуации. Одна часть комиссии отправилась в Министерство труда, другая — в комиссию по разгрузке. Члены этой комиссии являются уполномоченными данного Собрания. Они захотели отчитаться и в одном, и в другом порученном им деле. Член коллегии, бывший в комиссии по эвакуации, разъяснил собранию, что правительство может предоставить только 15 вагонов в день для всех безработных. Конечно, это никого устроить не может, и рабочие проявили большое недовольство. В Министерстве труда же выяснилось, что все руководители уехали, дела передали губернскому комиссару труда, который ничего не знает и ничего не понимает.

По окончании первого отчета мы стали докладывать собранию о первом заседании Собрания Уполномоченных. Когда прочитана была предложенная Собранием Уполномоченных декларация, начальник красной гвардии выхватил декларацию из рук читавшего и стал допытывать, кто он и из какой мастерской. Возмущенные рабочие бросились на начальника. Чтоб спасти его от возможных насилий, оратор потащил его на трибуну. Оказавшись в безопасности, начальник стал звать красную гвардию с пулеметами. Рабочие бросились разбивать стекла. Красногвардейцы прибежали с винтовками и решили арестовать президиум. Президиум не арестовали все же, но оратора повели в штаб гвардии, где ему грозили расстрелом. Из штаба ему удалось бежать.

Тов. ЗИМИН (Ижорские заводы). Вначале у нас рабочие более сочувствовали анархистам, потом пошли за большевиками. На днях гвардия хотела разогнать митинг, грозили пулеметами. Митинг все же состоялся, но большевикам была спета вечная память на нем.

По заводу распоряжения самые разнообразные. Сначала был приказ изготовлять броню, потом было распоряжение приготовить завод к взрыву. Съезд заводов Морского ведомства обсуждал это последнее распоряжение и запротестовал.

Эвакуация — это детские разговоры. Можно вывезти только в крайнем случае ценные машины и часть металла.

Рабочие волнуются и представляют из себя взбаламученную массу. Когда пошел слух, что рассчитанным рабочим будут уплачивать за полтора месяца, и выяснилось, что наш завод не может такой уплаты произвести, рабочие заволновались. Шляпников ставки повысил, но денег не дал; в банке тоже денег не дают и даже предлагают заложить завод. Всякие долговые обязательства аннулируют, а сами предлагают заложить завод; ликвидационная комиссия на это не соглашается.

Вопрос об отъезде волнует публику. 15 вагонов не могут удовлетворить никого. Рабочие интересуются, почему комиссары уехали, а мы не можем. Говорили даже о взрыве поездов. Пришлось нам же сдерживать рабочих.

Тов. ШПАКОВСКИЙ (Русско-Балтийский завод). Завод предполагают эвакуировать. Рабочие недоверчиво относятся к директории. Центральная организация по эвакуации ассигновок не выдает. Рабочие боятся, чтобы директория не ушла с деньгами. Волнуются и возмущаются.

Тов. КОРОХОВ (Обуховский завод). Заводской комитет был у нас всегда эсэровский. Но большевики фальсифицировали выборы, и теперь они в комитете в большинстве. Уже четыре месяца назад вынесли недоверие заводскому комитету, но это не помогает. **Они смеются, когда им выносят недоверие.** Разогнали на заводе все организации. Были у нас разные комиссии, для разных целей созданные. Была демобилизационная комиссия и другие. Большевики все разрушили. К эвакуации никаких мер не принимают: кое-что вывезли, но говорят, что по дороге выбросили. Настроение против большевиков растет. Теперь будет управлять тот, кто даст хлеб.

Тов. ВАСИЛЬЕВ (Русско-Балтийский Воздухоплавательный). Почти все рабочие рассчитаны. Осталось не более 150 человек. Вывозят ценные вещи, а мы остаемся. Разве мы менее ценны для промышленности, чем машины?

Деньги у директории есть, но их нам не дают. На днях привезли деньги, чтобы показать нам их и увезти обратно.

Тов. Б. О. БОГДАНОВ. Из всех отчетов выяснилось, что на очереди ряд неотложных задач — вопрос об эвакуации, безработице, продовольствии, вопрос об организации рабочего класса. Первого и второго вопросов все касались. Но они только намечены. Каждый вопрос требует детального рассмотрения.

Эвакуация проходит бессистемно, хаотично. Думают о материальных ценностях и не думают совсем о людях. Вопрос новый, рабочие не успели к нему подготовиться. Город действительно под угрозой неприятельского нашествия, но всего эвакуировать невозможно. Приходится этот вопрос разрешить так, чтобы минимально пострадал рабочий класс: часть придется увезти, остающиеся здесь рабочие должны будут наладить производство, должны быть как-нибудь использованы оставшиеся материалы и люди.

Безработица настоящая придет еще и придет очень скоро. Вопрос тесно связан с эвакуацией. Надо подумать об организации про-

изводства, общественных работ. Когда закроются остальные заводы, думать будет поздно.

Вопрос о продовольствии связан с двумя предыдущими вопросами. Ясно, что ставить его надо как вопрос о правильной организации всего продовольственного дела в стране.

Четвертый вопрос — вопрос организации. Заводские комитеты стали несменяемыми и опираются на пулеметы. Профессиональные союзы стали органами, зависимыми от власти. Когда пройдет социалистический мираж, начнут наступать предприниматели, а рабочие встретят их безоружными.

Все вопросы связаны с вопросами общей политики. Во всяком своем деле мы будем наталкиваться на общие вопросы. Каждый шаг будет означать борьбу с правительством. Для решения всех указанных здесь задач надо создать аппарат.

Тов. РАГОЗИН (1-я Государственная типография). В первую голову надо поставить вопрос об организации рабочего класса. Необходимо начать кампанию за перевыборы правлений профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, советов солдатских и рабочих депутатов.

Тов. ЕРМАНСКИЙ (член Совета рабочих депутатов). Соглашается с планом работ, предложенным Богдановым. Указывает еще на один пункт — на неизбежность паники при возможной оккупации или приближении неприятеля. Возможны грабежи и погромы. При подавлении этих эксцессов могут быть раздавлены рабочие организации. Надо принять заблаговременно меры против этой опасности, надо поставить вопрос об охране города. Все перечисленные здесь вопросы надо поставить практически. В таком большом Собрании практические вопросы не могут решаться детально. Необходимо организовать комиссии по всем поставленным здесь вопросам и прежде всего по вопросам об эвакуации, безработице и продовольствии.

Тов. Н. ГЛЕБОВ (Путиловский завод). Фраза Богданова о независимости рабочих организаций приятно меня поразила. Но пока это шифр. Мы еще не знаем, как надо понимать «независимость» и как ее понимает т. Богданов. Независимость, по-моему, это свобода от кружковщины, от преобладающего интеллигентского влияния. Это классовая независимость, в смысле проявления рабочими их максимальной самодеятельности.

Тов. КАММЕРМАХЕР (Всероссийский Союз Печатников). Если бы все поставленные здесь вопросы стояли в нормальной стране и в нормальное время, решить их было бы не так трудно, а у нас и время, и положение особые. Надо искать особых путей и особых решений. Вопрос о независимых рабочих организациях имеет огромное значение. Рабочие сделали огромную ошибку, что позволили в октябре превратить свои организации в органы власти. Союзам навязаны задачи департаментов. Советы превращены в полицейские учреждения, следственные комиссии. Фабрично-заводские комитеты занимаются всем, но не защитой интересов рабочих.

Независимость — это освобождение от полицейских, административных функций. Необходимо немедленно дать ответы на вопросы жизни. Эвакуация бессмысленна сейчас. Нужно наметить ряд мероприятий по борьбе с безработицей: общественные работы, помощь, столовые и прочее. Когда начнем работать, увидим тогда, как строить свои организации.

Тов. ШИШКОВ (10-я Государственная Типография). Всюду идет борьба за власть. Когда у власти одна партия, другой приходится туго. Правительство Керенского расстреливало большевиков, теперь большевики расстреливают и другие хотят их сбросить. Надо обуздать их.

Эвакуация должна производиться. Мы, печатники, остаемся здесь. Нам придется строить организацию, и мне думается, нам придется создать беспартийную рабочую организацию, а лозунги некоторых по-старому партийно-фракционные, и это плохо.

Тов. ПАПЕРНО (Союз аптекарских служащих). Никаких поводов для произнесения последних речей не было, т. т., ожегшись на молоке, дуют теперь на воду. Рабочий класс не может обойтись без оформления своих общественных мнений. Критика власти не есть еще борьба за власть. К власти стремятся только большевики.

А. Н. СМИРНОВ (Патронный завод). Две последние речи произвели невеселое впечатление. Широкие массы требуют ответа на смертельно трудный вопрос, а мы хотим винить интеллигенцию. Это значит идти по линии наименьшего сопротивления. Интеллигенция действовала плохо, а мы где были? Если хотите противопоставить себя интеллигенции, производите такую работу, которая поставит вас на верхушки движения.

Реформирование Советов и профессиональных союзов — вот почетная работа, но не сегодня и не завтра она сделается. Нужно затратить огромную энергию, а пока это будет сделано, нужно совместно всем искать ответы на все вопросы, поставленные жизнью.

Я двадцать лет в движении, в одной партии работаю и не могу вдруг думать иначе, чем думал всегда. Я излагаю свою точку зрения, а вы принимаете ее или отвергаете.

Тов. Глебов здесь говорил о независимой рабочей партии. У нас есть партии, есть организации, но говорят, нет организации, которая выведет рабочий класс из его положения. Но мне кажется, нет такого классового объединения, которое было бы независимо от государственной власти. Такой орган может создать наше Совещание, если ему удастся разрешить больные вопросы рабочей жизни.

Тов. БОГДАНОВ. Предлагает поставить в порядок работы Совещания вопросы: эвакуации, безработицы, продовольствия и организации и создать комиссии по разработке этих вопросов.

Тов. ГЛЕБОВ (Путиловский завод). Вопрос не только в борьбе за независимые организации, а в том, как нам организоваться вообще; и этот вопрос я предлагаю поставить первым.

Голосованием принято предложение Богданова.

Тов. БОГДАНОВ предлагает, кроме того, постановить, что Бюро будет издавать информационный листок Собрания Уполномоченных и примет меры к объединению уполномоченных по районам; предлагает выбрать Бюро.

Тов. ШИШКОВ (Государственная Типография). Высказывается против районных объединений Уполномоченных. Полагает, что это будет конкурирующая с районными Советами организация, борющаяся за власть.

Тов. КАММЕРМАХЕР указывает, что Собрание Уполномоченных ставит себе задачи, которые не разрешаются теперь ни одной из существующих организаций. Никакой борьбы за власть оно не собирается вести, и Шишков напрасно пугается.

Тов. ЕРМАНСКИЙ. Когда говорят о беспартийности, то это тоже своего рода партийность. Определенная узкопартийная политика создала дурной осадок, и, вероятно, только этим объясняется противофракционное выступление товарищей Глебова и Шишкова.

Предложение Богданова относительно выборов Бюро, организации

Комиссий, издания бюллетеней и создания районных Собраний Уполномоченных принято.

В связи с резолюцией о свободе печати выбирается делегация в Союз Печатников в составе: тт. Берга, Яковлева, Гайдука.

Собрание приступает к выборам Бюро.

Выборными оказались: т. Берг (47 голосов), т. Каммермахер (44 голоса), т. Глебов (42), т. Смирнов (40), т. Корохов (38), т. Рогозин (32), т. Зимин (31), т. Яковлев (30), т. Кононов (29), т. Зверев (26).

Кандидаты к ним: т. Блоха (23), т. Шпаковский (22), т. Шибалов (20), т. Ильин (16), т. Орлов (12), т. Никитин (11), т. Гамзюков (8), т. Борисенко (8).

На Совещание кооперативов, устраиваемое 16-го марта Союзом Потребительных Обществ, избираются делегатами Иванов, Чураков и Федоров.

ДЕКЛАРАЦИЯ, ПРИНЯТАЯ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ

Мы, рабочие петроградских фабрик и заводов, обращаемся к Всероссийскому Съезду Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов со следующим заявлением:

25-го октября 1917 года большевистская партия в союзе с партией левых с.-ров и опираясь на вооруженных солдат и матросов свергла Временное Правительство и захватила власть в свои руки.

Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего ведома и участия, совершенный накануне второго Съезда Советов, которому предстояло сказать свое слово по вопросу о власти.

Более того. Рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя правительством рабочих и крестьян, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. На службу ей стали все наши организации, за нее пролита была кровь наших сыновей и братьев, мы терпеливо переносили нужду и голод; нашим именем сурово расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала, как на своих врагов; и мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав, во имя надежды на данные ею обещания.

Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными.

Новая власть называет себя советской и рабочей, крестьянской. А на деле важнейшие вопросы государственной жизни решаются помимо советов; ЦИК вовсе не собирается или собирается затем, чтоб безмолвно одобрить шаги, без него, самодержавно предпринятые народными комиссарами, Советы, не согласные с политикой правительства, бесцеремонно разгоняются вооруженной силой; и всюду голос рабочих и крестьян подавляется голосом делегатов, якобы представляющих 10-миллионную армию, дезорганизованную большевистской политикой, существующую только на бумаге, частью демобилизованную, частью самовольно обнажившую фронт и разбежавшуюся по домам. На деле всякая попытка рабочих выразить свою волю в Советах путем перевыборов пресекается, и не раз уже петроградские рабочие слышали из уст представителей новой власти угрозы пулеметами, испытали расстрелы своих собраний и своих манифестаций.

Нам обещали немедленный мир, демократический мир, заключенный народами через головы своих правительств. А на деле нам дали постыдную капитуляцию перед германскими империалистами. Нам дали мир, наносящий сильнейший удар всему рабочему Интернационалу и поражающий насмерть русское рабочее движение. Нам дали мир, закрепляющий распад России и делающий ее добычей иностранного капитала, мир, разрушающий нашу промышленность и позорно предающий интересы всех народностей, доверившихся русской революции. Нам дали мир, при котором мы не знаем даже точных границ своего рабства, потому что большевистская власть, столько кричавшая против тайной дипломатии, сама практикует худший сорт дипломатической тайны и, уже покидая Петроград, до сих пор не сообщает полного и точного текста всех условий мира, самовольно распоряжаясь судьбами народа, государства, революции.

Нам обещали хлеб. А на деле нам дали небывалый голод. Нам дали гражданскую войну, опустошающую страну и вконец разоряющую ее хозяйство. Под видом социализма нам дали окончательное разрушение промышленности и расстройство финансов, нам дали расхищение народного достояния и накопленных капиталов людьми с ненасытным аппетитом. Нам дали царство взяточничества и спекуляции, принявших неслыханные размеры. Нас поставили перед ужасами длительной безработицы, лишив нас всяких способов действительной борьбы с ней. Профессиональные союзы разрушены, заводские комитеты не могут нас защитить, городская дума разогнана, кооперативам ставят помехи. Покидая Петроград, Совет Народных Комиссаров бросает нас на произвол судьбы, закрывая фабрики и заводы, вышвыривая нас на улицу без денег, без хлеба, без работы, без органов самозащиты, без всяких надежд на будущее.

Нам обещали свободу. А что мы видим на деле? Где свобода слова, собраний, союзов, печати, мирных манифестаций? Все растоптано полицейскими каблуками, все раздавлено вооруженной рукой. В годовщину революции, оплаченной нашей кровью, мы снова видим на себе железные оковы бесправия, казалось, вдребезги разбитые в славные февральские дни 1917 года. Мы дошли до позора бессудных расстрелов, до кровавого ужаса смертных казней, совершаемых людьми, которые являются одновременно и доносчиками, и сыщиками, и провокаторами, и следователями, и обвинителями, и судьями, и палачами.

Так вот во имя чего льется ручьями кровь рабочих и крестьян России. Так вот во имя чего разогнано Всенародное Учредительное Собрание, за которое гибли на виселицах, на каторге, в тюрьмах и ссылке наши лучшие люди, за которое десятилетиями боролись мы и наши отцы.

Но нет! Довольно кровавого обмана и позора, ведущего революционную Россию к гибели и расчищающего путь новому деспоту на место свергнутого старого. Довольно лжи и предательства. Довольно преступлений, совершаемых нашим именем, именем рабочего класса.

Мы, рабочие петроградских фабрик и заводов, требуем от Съезда:

I. Отказа утвердить кабальный, предательский мир.

II. Постановления об отставке совета народных комиссаров.

III. Немедленного созыва Учредительного Собрания и передачи ему всей власти для прекращения гражданской войны, воссоздания единства свободных народов России, организации промышленности, сельского хозяйства, транспорта и продовольствия, собирания сил для отпора вторжению насильников и заключения мира на основах, ограждающих интересы революционной России.

Издатель: Чрезвычайное Собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда

Редакционная комиссия в лице: уполномоченного с Путиловского завода Н. Н. ГЛЕБОВА

Марина КУДИМОВА

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Лампадник

Царь не должен быть интеллигентом,
Чтоб его не пожрала вина,
И по-русски говорить с акцентом
Русская царица не должна.

Но когда совпали годовщины
И предвестья, да еще подряд,
Женщине вверяются мужчины
И ее устами говорят.

Здравствуй, государыня Алиса!
Все слабины мужа твоего
Знает со времен царя Бориса
Подтасованное большинство.

Так, пройдя коллекторные трубы,
Две воды свиваются в сувой:
Истеричный зуд народолюбья
И народоправья страх живой.

Чуть задремлет ангел-неповадник,
Чуть сойдет крутой коловорот,
Сразу появляется л а м п а д н и к
И предстательствует за народ.

Что тебе эсеровская бомба!..
Бог спаси от этаких гостей,—
И от их плебейского апломба,
И от их перевитых кистей!

Мы-то вдоволь эфтово видали,—
С нами, почитай, через Париж
Бойко изъясняется по Далю
Лаптем щи хлебавший нувориш.

Он урыльник севрского фарфора
Ставит на ампирную кровать.
У него внушительная фора:
Я умру — и вам не сдобровать!

Тракторист похмельный наломался,
Удобренья вывез на поля.
А л а м п а д н и к подливает масла
И нагар снимает с фитиля.

Никакого бритого британца
Водевильный не смутит аффект,
Галла не растрогает сектантство,
Немца не проманет диалект.

Мы ж прощаем страстотерпцу шалость,
Если нас хватает за кадык
И брутальный обнажает фаллос
Ряженый Шаляпиным мужик.

Здравствуйте, папаша и мамаша!
Полюбуйтесь, что за лепота...
Не судите окаянство наше,
Ибо тайн причастна темнота.

Только отчего ж, как пионера,
Что отца родного заложил,
Тайновидца и визионера
Убивают до разрыва жил?

Но эдипов комплекс (право слово,
Мы не адвокаты оных лиц)
Жег убийц л а м п а д н и к а царева
И не задевал цареубийц.

* * *

Что сделал Сталин с крымскими татарами,—
Того не оприходуешь гитарами,
И что Россия сделала с евреями,—
Того не перемеряешь хореями.
Не обменяешь пресмыканья низменность
На алеутов, получивших письменность.

Не переможет собственной дотварности
Питомцем муз объявленный громила.
Не вылечит клинической бездарности
Союз Архистратига Михаила.
Кто изувечен мнимым поручением,
Тот не отмечен золотым сечением...

Я проходным двором от нарочитого
Ушла, как от насильников-верзил.
И все ж, не уповать и не рассчитывать —
Напрасный труд и, кажется, без сил.

Димитрий Панин

ЛОМ-ЛОПАТА

«Мне бесконечно дорога мысль и душа Димитрия Панина, и я буду рад написать предисловие, если у нас его издадут»,— писал в письме ко мне о. Александр Мень за три недели до своей трагической гибели...

Димитрий Михайлович Панин родился в 1911 году в семье адвоката. Отец его был из стрельцов, мать из старинного дворянского рода Опряниных. В 17 лет по окончании техникума (в институт его, как лишенца, не приняли) Димитрий Панин начал свой трудовой путь рабочим на цементном заводе в Подольске. Одновременно он поступил на заочное отделение института химического машиностроения. После защиты диплома инженера-механика в МИХМ окончил там же аспирантуру. Перед защитой диссертации в 1940 году его арестовали за разговоры против режима по доносу человека, которого он считал своим другом и потому поверял ему свои мысли в коридоре московской коммунальной квартиры, где проживал. Особое совещание осудило его по статье 58^{10}. В лагере к «детскому» пятилетнему сроку добавили еще 10 лет — на этот раз НКВД сфабриковал дело о попытке организации вооруженного восстания. Всего 16 лет тюрем, лагерей, ссылки: Лубянка, Лефортово, Вятлаг, Воркутлаг, лагерь смерти в Спасске, каторжный лагерь в Экибастузе, Кустанай. Вернувшись в 1956 году в Москву, Панин работает главным конструктором проекта в одном из НИИ.

В лагере дал он обет Богу, услышавшему его жаркую молитву и спасшему его от неизлечимой в тех условиях болезни, «постоять за выполнение Его святой воли» и тем самым помочь простым труженикам. Во исполнение этого обета решил Димитрий Панин, выйдя на пенсию, уехать в 1972 году на Запад, чтобы иметь возможность завершить работы, задуманные еще в заключении. Им и отдал он все силы. Внезапная смерть в 1987 году в Севре, во Франции, оборвала многие его замыслы.

В философской системе, «Теории густот», Панин с позиций современной физики нарисовал убедительную картину вселенной, созданной Творцом. «Постулаты марксизма и законы природы» включены в «Дополнение» к философии. Панин противопоставляет марксистскому пониманию материи, пространства и времени, сознания, происхождения жизни универсальные законы природы — единственный критерий истины.

В 1972 году на Западе была опубликована работа Панина «Как провести революцию в умах», где он делал ставку на правдивую информацию с помощью радио миллионов «микробратств» и на забастовочное движение в СССР.

В 1974 году по-французски и в 1977 году по-русски был опубликован «Мирмаятник», где Панин сравнивает развитие человечества с движением огромного маятника, приближающегося к конечной точке своего размаха. Однако, считал он, люди доброй воли всех стран мира в момент остановки маятника могут, несмотря на огромное сопротивление различных сил, решительно его повернуть.

Панин считал, что в душе каждого человека берет верх созидательное или разрушительное начало («Созидатели и разрушители», 1983). Поэтому в предсмертной рукописи «Держава созидателей» он делит род людской на созидателей, разрушителей и неустойчивых, предлагая новую организацию мира, основанную на разработанной им новой политэкономии, под этическим контролем службы защиты в руках рыцарей духа. «Миллионы искалеченных режимом людей,— пишет Панин,— нельзя просто спихнуть в систему либерального хозяйства, где маломощные предприниматели оказываются беззащитными и зачастую обречены на исчезновение. Падших, сбитых с толку, опустошенных, обленившихся, возненавидевших труд и не имеющих понятия о добросовестном отношении к делу людей общество должно прежде всего возродить».

Многие статьи Димитрия Панина публиковались в издаваемом ассоциацией «Друзья Димитрия Панина» французском журнале «Выбор» и в его русском приложении. Лагерные записки Панина «Лубянка — Экибастуз» вышли в 1973 году по-русски под названием «Записки Сологдина». Это книга о победе Духа, о победе добра над злом. В ней нет места мщению. Для Панина-христианина Бог есть любовь. «На этом и держится мир»,— пишет он в «Записках», в силу чего они занимают особое место в лагерной литературе. И еще потому, что Димитрий Панин по ходу повествования делится своими размышлениями с читателем, призывая его быть судьей. По собственной воле сменил Панин относительно благополучную «шарашку», описанную Солженицыным в «Круге первом», на каторгу в Экибастузе, но остался верен своим принципам. Там он стал одним из руководителей одной из первых забастовок-голодовок.

Димитрий Михайлович Панин — ученый, мыслитель, философ, тираноборец — был всегда мужественным рыцарем без страха и упрека, посвятившим себя, как писал на его смерть Владимир Максимов, служению Богу и Прекрасной Даме, коей была для него Россия. «Его творчество,— продолжает он,— является общенациональным достоянием... После него остались книги... а также многочисленные рукописи. Наш долг — сделать все это достоянием... в первую очередь отечественных читателей».

В предлагаемой «Горизонтом» главе из книги «Лубянка — Экибастуз», вышедшей в январе 1991 года в издательстве «Сирин»-«Советский писатель», читатель увидит, как отсутствие страха у Панина нарушило план следователя, решившего ликвидировать его руками бандита.

Исса ПАНИНА

Пугало Вятлага

По окончании следствия создалось впечатление, что чекисты решили со мной разделаться. У них, конечно, не оставалось никаких сомнений относительно моих мнений и настроений: было ясно, что я непримирим. Поэтому, не надеясь на смертный приговор — их стряпня была слишком бездарна,— они решили прикончить меня в стенах изолятора — лагерной тюрьмы. Я думаю, что это предположение правильно, так как именно меня держали все одиннадцать месяцев с уголовниками, причем с самой страшной их частью — с убийцами, которых сразу же после ареста кидали в мою камеру. За это время через нее прошли самые отвратительные урканы — лагерные бандиты. Много было всяких встреч и тяжелых столкновений. Однажды даже в камеру втолкнули двоих, когда они еще были покрыты кровью своих жертв.

Все это бледнеет по сравнению с Лом-Лопатой. Это был совершенно легендарный преступник. В его формуляре было написано, что он не отвечает за свои действия, и это давало ему неограниченную возможность делать все, что он хочет. Правда, каждый раз за новое убийство он получал новые десять лет, которые всегда начинались с момента его последнего преступления, и в общем он все время находился в лагере со своим изначальным десятилетним сроком. В лагерной тюрьме он не задерживался, так как состав преступления был всегда налицо, и для окончания следствия достаточно было одного-единственного протокола. В то время Лом, будучи «сукой», то есть нарушителем воровского закона, счел для себя более удобным перезимовать в изоляторе: из-за перевеса «воров» в лагпункте он боялся за свою жизнь. С этой целью он убил какого-то заключенного, на этот раз не так явно, как обычно, и благодаря этому смог тянуть следствие, требуя психиатрической экспертизы. После первого медицинского заключения Лом-Лопату водворили в мою маленькую камеру, предназначенную для нескольких человек. Довольно долго мы лежали с ним только вдвоем на верхних нарах, где виден хоть кусочек неба и чуть больше воздуха, чем на нижних, представляющих подобие темного мешка.

С виду в нем ничего особенно зверского не было. В детстве я встречал таких ломовиков. У него было широкое, твердо очерченное лицо с плотно сжатыми губами. Сытый, он мог вполне нормально разговаривать, слушать, задавать вопросы. Когда был голоден, в нем просыпались звериные качества. Видимо, на это и была ставка: чекисты рассчитывали, что мы обязательно с ним столкнемся, и не ошиблись.

В лагере он всегда жил за счет других. Политические были в то время худыми, истощенными, он же пришел в изолятор в «справной форме», в почти нормальном весе. Поэтому первые недели, хотя паек был убийственным, он не испытывал еще мук голода. Мне пришлось с ним коротать время. Я слушал о его похождениях, побегах, о жутких лагерях на Печоре в 37—38-м годах. Это там производили расстрелы критиков за невыполнение норм, нарочно прекращали кипятить воду, вследствие чего зэков, вынужденных пить болотную жижу, начинала косить чудовищная дизентерия. Он напевал блатные песни, и в памяти застряло: «Черные, как уголь, тучи летят над головой...» Я пересказывал ему чаще всего О. Генри, чтобы не остаться в долгу. Надо сказать, что он воспринимал эти новеллы достаточно осмысленно, смеялся, где надо, и даже понимал концовки. Его никак нельзя было считать каким-то умственно отупелым существом; он был на уровне людей преступного мира и обладал соответствующим опытом.

Так, без стычек, прошел почти месяц. Затем, не подписав протокола окончания следствия, он потребовал новой экспертизы. «Органы» считали блатных социально близкими, доступными перевоспитанию, и постоянно шли им на уступки. Вот и его отправили в другой лагпункт, в одну из так называемых «психбольниц», где он объедал настоящих сумасшедших, то есть отнимал у них еду, обыгрывал их, обманывал и через месяца полтора-два, отъевшись, он вернулся опять в мою маленькую камеру.

По окончании следствия мы, двадцать восемь однодельцев, стали числиться за Особым совещанием НКВД, и абсолютной власти над нами у местных следователей уже не было. Слабость чекистов всегда во взаимном подсиживании, в боязни друг друга. Во время следствия они могут дать указание санчасти не вмешиваться и держать арестованного на общем пайке, при этом никто и не пикнет. Следователь может также посадить в карцер на триста граммов хлеба на определенное число суток, и тюрьма точно выполнит его письменное распоряжение. Но когда следствие окончено, устного распоряжения не давать такому-то больничного пайка уже недостаточно. Начальник санчасти, опасаясь очередной склоки, не хочет рисковать, предпочитает загородиться бумажкой, то есть иметь про запас произвольное распоряжение третьего отдела, а следователь, в свою очередь, боится дать письменное распоряжение.

Вот в силу таких причин в числе остальных сильно истощенных больничный паек был получен и мною. Он отличался от общего лишними ста пятьюдесятью граммами хлеба, кусочком сахара и ошметкой требухи или селедки. Голодную фантазию Лом-Лопаты различие пайков крайне раздражало, и он начал ко мне приставать, предлагая играть с ним в карты. Я вообще их не признаю, а с ним играть было бы самоубийством. Блатные играют с фрайерами только краплеными картами, то есть я наверняка отдавал бы ему свою пайку. Я всегда категорически отказывался от такого рода предложений; поступил так и на этот раз.

Каким образом Лом-Лопате не удалось выколоть мне глаза

Когда наши отношения начали портиться, а голод тем временем совершал свою разрушительную работу, в нашу камеру бросили трех бандитов, которые чего-то натворили на лагпункте. До этого мы с Ломом лежали на верхних нарах, каждый в своем углу. Когда появились

бандиты, я собрал свои пожитки и полез вниз. Общего у меня с ними ничего не было, а на нарах и четверым еле поместиться. Поэтому я не стал дожидаться приглашения спуститься, а сделал это сам. Через какой-то час раздались крики, ругань, и Лом-Лопата кубарем полетел на пол. Дело в том, что бандиты были «воры в законе», а Лом-Лопата — «сукой». Между ворами и «суками» идет непрерывная война; в любом случае возникает ожесточенная драка. Вот они и решили сбросить его с нар, поскольку, как «сука», он не имел права находиться в их непосредственной близости. Смотрю — свешивается какая-то голова и кивает, манит, объясняет, что я должен подняться. Предложение было слишком настойчивым. Я не счел возможным упираться, ибо силы были почти на исходе и трудно было сопротивляться. Да это были и не те события, которые, как мне казалось, непосредственно могли повлиять на жизнь, поэтому там, где было можно, я уступал. То, что я оказался наверху в их обществе, страшно подействовало на Лома и породило злобу. Он, старый, заслуженный уркаган, находился внизу на темных нарах, его исключили из компании, а я, фрайер, был наверху! Я понял по его повадкам, по некоторым словам и замечаниям, что его отношение ко мне резко изменилось. Я стал для него гораздо бо́льшим врагом, чем воры, которые его сбросили.

Обход и первая кормежка начинались часов в шесть утра. Я сидел в изоляторе уже месяцев девять, и эта минута была для меня вожделенной. Все к ней тоже готовились, ждали ее с нетерпением. Поэтому я обычно слезал с нар и прогуливался: делал три шага в одну сторону, три шага в другую, так как больше места не было. Как-то, в один из этих дней, я чувствовал себя особенно слабым, присел на нижние нары и безучастно ждал. За несколько дней перед этим у нас перегорела лампочка, которая освещала камеру и одновременно отбрасывала свет в коридор. Внизу была полная темнота, наверху чуточку посветлей; туда проникали какие-то блики из коридора. Лом-Лопата, который обычно сидел неподвижно, начал вдруг ходить и несколько раз, приближаясь почти вплотную ко мне, останавливался. Я не обращал на него никакого внимания.

Началась проверка. Обычно дверь приоткрывалась не полностью, надзиратель просовывал голову и перечислял заключенных. И на этот раз он проделал то же самое. Вдруг Лом, как сорвавшаяся пружина, бросился на надзирателя. В деревянную палочку для пришпиливания довесочков хлеба к пайке он сумел заправить длинную, толстую швейную иглу, которой сшивают мешки из дерюги, и, вооружившись ею, в каком-то совершенно зверином, безумном порыве,— ведь в какие-то моменты он все же был невменяем,— метнул в надзирателя заготовленную для меня лютую месть. Направленная в глаз надзирателя, игла попала в его переносицу. Он отпрянул, закричал. Три бандита соскочили, схватили Лом-Лопату, начали сильно лупить, затем его увели в карцер. Совершенно ясно, что меня спасла лишь темнота. Потухшей лампочке обязан я тем, что не стал слепым или одноглазым.

Лома вернули довольно быстро. Дикое ожесточение и ненависть этого страшного убийцы вылились, по какой-то странности, на меня, а не на трех бандитов, которые его избили, помогая надзору обезоружить. Благодаря каким-то сдвигам в психике его больное воображение изобретало врагов на ходу, и я оказался таким смертельным противником. Бандитов скоро осудили, потому что они во всем сознавались, всё подписывали, стремясь вернуться на лагпункт и продолжать опять свою жизнь за счет других заключенных.

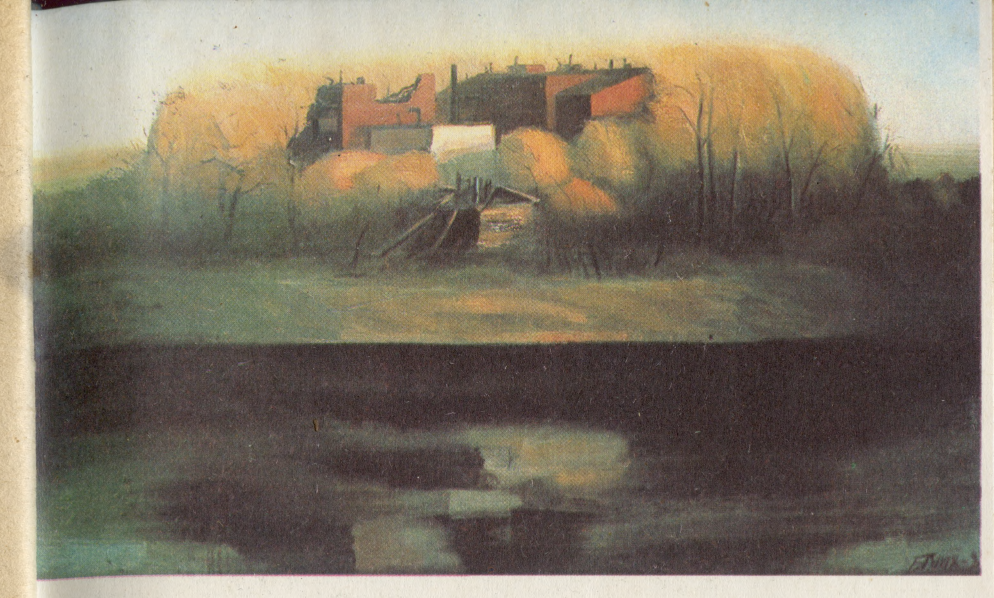
Прав ли был Хома Брут, когда очерчивал около себя круг!

Мы остались один на один. Тут уже началось нечто страшное. Присутствие бандитов сдерживало Лома. Когда же они ушли, он почувствовал свободу и решил, что настало время со мной окончательно разделаться. Он называл меня презрительно «анжинер» и с этой поры все чаще и чаще повторял: «Ну, анжинер, из Кайских лесов тебе живым не выйти». На что я неизменно отвечал: «Уверен, что выйду» — и старался не поддерживать разговора. Спасало меня, видимо, то, что я не обнаруживал никакого страха, когда, казалось, надо трепетать. Ведь я был в одной клетке со зверем. Но мое положение было даже хуже. У зверя только инстинкты, а у него вдобавок — человеческая хитрость, изворотливость и большая физическая сила. В эту пору он, конечно, был гораздо крепче меня. Шел десятый месяц моего пребывания в лагерной тюрьме военного времени, слабость все увеличивалась, а он только приехал с «побывки», где подкрепился за счет больных. Я не боялся Лом-Лопаты. Позднее, осмысливая происшедшее, я понял, что дух человека всегда бесстрашен, дрожит лишь плоть; а так как мое тело было очень истощено, то центр восприятия переместился в сферу духовную. Сидя в обычной позе на нарах, не производя никаких знамений, я незаметно молился, и это было главное. Нормальный сытый человек меньше подвержен повышенной духовности, чем голодный псих, который в возбужденном состоянии воспринимает многое гораздо более остро, цепляется за то, что обычно оставляют без внимания. Я все время видел, что ему хочется что-то мне сделать: например, ударить, вырвать хлеб,— но он не может. У Гоголя в «Вие» один из бурсаков очерчивает около себя круг на земле, чтобы отогнать нечистую силу. Я не замыкал себя ни в каком кольце, не думал тогда об этом, но, видимо, мои молитвы и не обижающее никого существование создавали какую-то астральную броню. Иначе я не могу объяснить, почему этот зверь, столько раз обнажавший свое нутро, ни разу меня не ударил, не столкнул с нар, хотя кипел дикой злостью. Столь странный, непонятный феномен я объясняю только возникновением астральной брони вокруг себя.

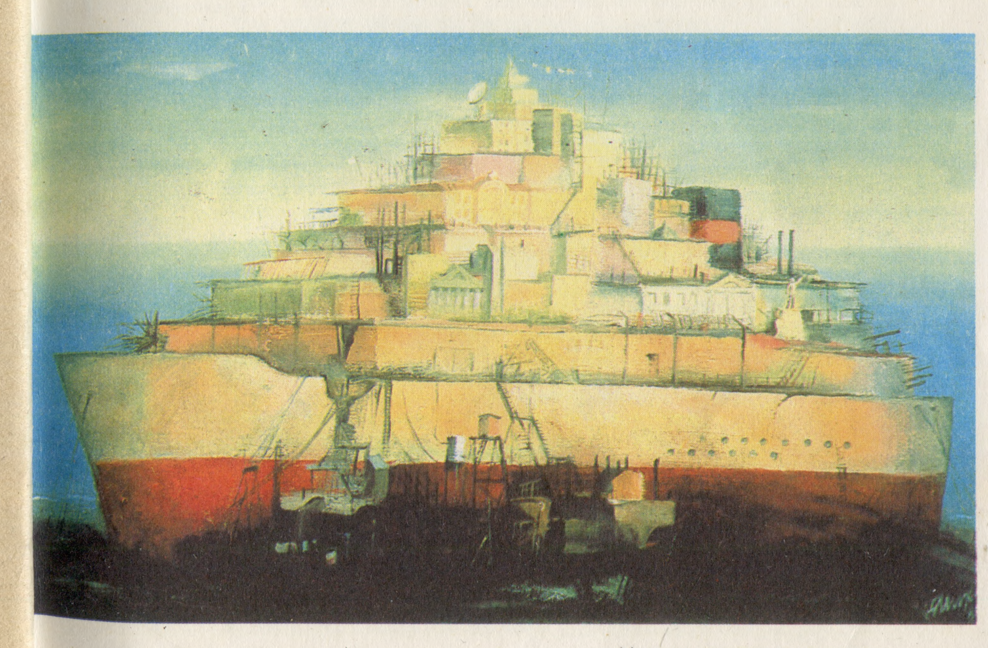
Единоборство с Лом-Лопатой

Но вот произошло событие, когда я сам прорвал эту преграду. Лом изнывал от голода: дополнительных источников питания не было, у меня он тоже пайку отнять не мог, да я и не отдал бы ее ни за что.

И вот он надумал старую блатную выходку, в которой мне была уготована определенная роль, а я от нее, к сожалению, отказался. Блатные вечно приносят гвозди, иголки, кусочки ножа — «мойки». Лом тоже принес лом и камень, скорей всего из бани, хотя после случая с иглой его особенно обыскивали, и, казалось, у него могли оказаться режущие и колющие предметы. Затем он выкинул довольно картинный номер, который производит впечатление на новичков, а у старых тюремщиков обычно вызывает усмешку. Он взял ржавый гвоздь, проткнул мошонку, и таким образом прибил себя к нарам. При этом я, по его указке, должен был выкрикивать диким голосом какое-то блатное слово, означающее это действие. Я же уперся и полностью выключился из игры, хотя мне ничего не стоило выполнить его требование, и позже я порицал себя, что его не поддержал. В моем состоянии о многом тогда думалось лениво и плохо. Подождав несколько минут, он сам

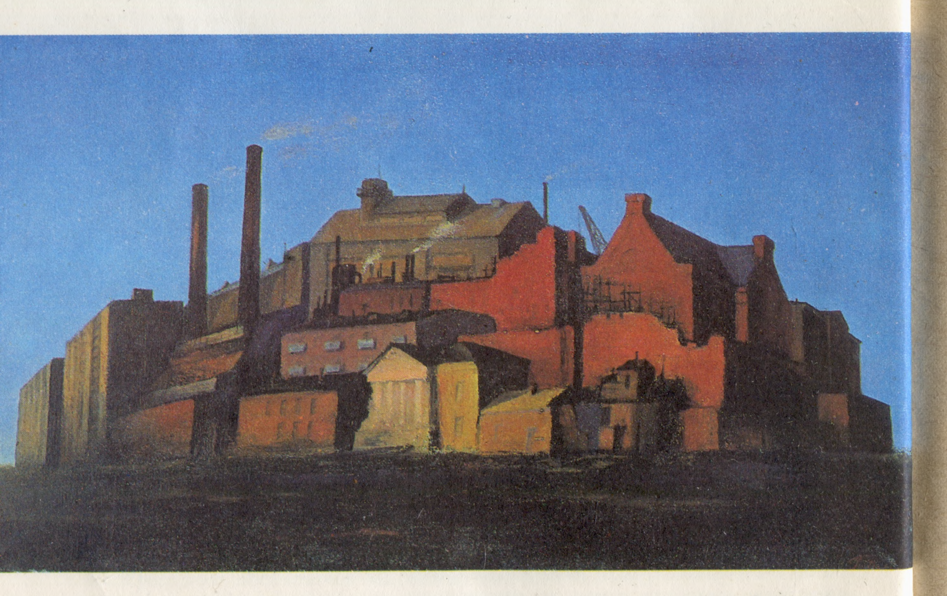
Реконструкция

Маленькое повреждение

Реставрация

Неуклонно растущий город

начал орать. Прибежала охрана, надзор; из него вырвали гвоздь и ограничились тем, что надавали по шее, так как преступлением это не считается, нарушение тоже небольшое, в порядке нравов преступного мира. Воры «расписывались», «замастыривали» себе болезни, проделывали вышеописанную выходку и многое другое, чтобы уйти от серьезной опасности.

Лом совершил это лишь для того, чтобы получить добавку баланды. Обычно ее отдавали привилегированным заключенным в других камерах, и за все одиннадцать месяцев нам принесли впервые.

И тут я совершил вторую, на этот раз бо́льшую ошибку. Раз уж я не принял никакого участия в этой комедии, кровавой и в общем довольно мерзкой, то не должен был иметь никакого отношения к остаткам пищи, которых он добился своими силами. Но я так наголодался, что, когда загремел замок и полушепотом было сказано: «Добавка! Давайте миски!» — первый ринулся с нар и получил ее. Тогда он совершенно справедливо заорал, что все принадлежит ему. Но я, не слушая, жадно съел свою миску на этот раз довольно густой жижи. И тут Лом пришел в неистовство. Главное, он почувствовал свою правоту и заявил, что, если я полезу еще раз, он меня прикончит. Я ему ответил, на его же жаргоне, что никаких особых прав он не имеет: я здесь уже десять месяцев, он же сидит только полтора, и поэтому оснований у меня больше, чем у него. Тем не менее внутренне я все-таки знал, что совершаю что-то ошибочное. На следующий день история повторилась. Я получил одну тарелку, а он три, но не это имело значение. Важно, что я произвел какое-то принципиальное нарушение. И позже я понял, что сам нарушил астральную броню неправильными действиями, покусившись на что-то, не мною завоеванное.

Я жадно начал есть, поглядывая в его сторону. Он же расставил свои миски — запас их всегда находился в камере, так как она была рассчитана на восемь человек,— и с видом, не предвещающим ничего хорошего, поднял вверх свой правый кулак мясника и молотобойца, медленно опуская его по мере приближения. Мускулы у него были еще совсем крепкие, невысохшие; ручища громадная, до колена. И этой отведенной дугой, представляющей натянутую мышцу огромной силы с кулаком на конце, он направил прямо мне в живот удар, которого было бы достаточно, чтобы просто разорвать мне кишки, ставшие за десять месяцев очень тонкими. Я даже не стал выставлять вперед руки, а, наоборот, прижал их к туловищу. Все равно мне с ним было не справиться. Но я напрягся и в момент, когда увидел, что дуга стала двигаться, молниеносно пригнулся. Поэтому удар, к счастью, пришелся не по кишкам, а по ребрам, по грудине и слегка по тому месту, которое называют «под ложечкой». Поскольку удар был сильный и страшно чувствительный, у меня пресеклось дыхание. Я наклонился, ловя воздух. Это спасло меня от смерти, так как инстинктивно я оказался в положении, когда он не мог поразить второй раз то же место. Резонанс от этой страшной контузии остался надолго в организме. Он, конечно, мог меня прикончить, нанести еще десяток ударов, скажем, по почкам и отбить их. Но спасло также то, что он был псих, и, удовлетворив свое первое желание, он набросился на еду и стал обжираться.

Я тоже съел все, немного отдышавшись. Как ни странно, когда он меня спросил: «Ну что, полезешь еще!» — я ответил: «Обязательно!» После страшной боли я почувствовал себя опять духовно окрепшим. То была компенсация за совершенный мною духовный проступок. Броня снова замкнулась, и я стал неуязвим. Моя непреклонность, отсутствие страха и колебаний одержали победу над его психикой: он был раз-

давлен своей неспособностью подчинить меня своим требованиям.

Наступил следующий день. Он все время крутился, вертелся внизу, ибо наверх не перебрался из какого-то принципа: «Раз уж сбросили, сам больше не лезу». На это его примитивного мышления хватало. В общем, он был вне себя и метался и метался, как зверь в клетке. Я же видел, что побеждаю его своей непреклонностью, и мне было даже интересно. И опять на третий день я не отказался от добавки. До этого мы весь день пререкались, ругались, я опять доказывал, что имею прав больше, чем он. Играла здесь роль еще и чисто животная роль голода. Но, с другой стороны, я считал, что не могу ему уступить, и на этот раз одержал окончательную духовную победу. Я видел, как он весь корежится, говорит сам себе вполголоса: «Ну какой я блатарь, если не могу задавить этого фрайера!.. Я гад, падло». К счастью, через три дня яблоко раздора исчезло, но для него совместное пребывание в одной камере стало невозможным. Его убивало чувство какого-то унижения, поражения; сознание, что он не может меня добить. И вот дня через два он прямо сказал: «Иди к начальству и проси, чтобы меня или тебя взяли отсюда. Не заявишь, я тебя «сделаю». Я понял, что это не пустая угроза, так как его «самоедство» переходило в исступление. Во время утренней проверки я потребовал начальника тюрьмы. И при раздаче обеда еще раз сказал, что, если тот меня не примет, мои товарищи будут знать, что чекисты сознательно организуют убийство. Через полчаса или час меня вызвали. Начальником тюрьмы был парень, который пришел недавно с фронта: на руке его еще оставались следы ранения. Я ему объяснил положение вещей: «Вы меня держите с чудовищем. Всем известно, что он невменяемый, что у него тем самым право на убийство. Так вот, отношения у меня с ним дошли до точки: сегодня оно произойдет. Я сопротивляться не могу. Он — здоровенный мужик, которого вы сохраняете для расправы с другими заключенными, несмотря на десятки его преступлений. Имейте в виду: вы — молодой человек, вам есть что терять, мне же терять нечего. Если до вечерней проверки меня или его не переведут, я буду кричать на всю тюрьму, что лично вы совершаете убийство».

Может, угроза была и не страшной, но приятного тоже было мало. Начальник тюрьмы знает, что за ним следят надзиратели. Так или иначе, это возымело свое действие, и вечером раздалась команда: «Лом-Лопата, с вещами!» Я понял, что остался жив.

Лом-Лопату перевели в камеру, сорганизованную как раз в это время из бытовиков и уголовников, которые уже прошли следствие, а теперь дожидались суда и отправки на лагпункты. Их выводили на работу, на мотопилу. Лом-Лопата в первый же день, совершенно без всяких оснований и причин, топором отсек одному заключенному затылок. Видимо, нужна была разрядка, и раз не удалось на мне, он проделал это на совершенно другом человеке, первом встречном, подвернувшемся ему под руку. Ему опять дали десять лет, но это не имело для него никакого значения. Таких людей власти тогда не расстреливали, они были удобны для расправ с контриками.

Тайна славянской души

По странной, забавной случайности мы еще раз встретились с Лом-Лопатой. Это произошло уже на Воркуте в 1946 году, через три года после этого случая. Я работал там на заводе инженером, то есть был в привилегированном положении. Лом-Лопату же прислали очередным

этапом, и он, как «ссученный» вор, попал на мой лагпункт бригадиром режимной бригады. Как-то раз я увидел его издали, и мы перекинулись парой слов на лагерном жаргоне, что в переводе на русский соответствовало примерно следующему: «Ну как, Лом, твое предсказание не сбылось!» — «Да, ты — живучий».

Вскоре случилось так, что одного нашего чертежника за какую-то провинность должны были отправить в режимную бригаду. На правах старого знакомца я пошел к Лому вечером и сказал: «Так и так, придет к вам наш парень. Не обижать, не курочить, не раздевать. Смотри, чтобы был порядок».— «Ну что ты, конечно».

Тут же на столе появился котелок с кашей, и он предложил мне принять участие в трапезе. Самое интересное, что я не чувствовал к нему ни злости, ни обиды, ничего решительно. Мы о чем-то поговорили, даже посмеялись и разошлись. Вскоре он уехал с Воркуты, так как послал вместо себя на медосмотр какого-то доходягу и его «сактировали». Такие истории были обычными. На Воркуте в те годы не держали очень истощенных. Лом попал в карагандинские лагеря, хотя был, наверное, толще всех заключенных Воркутлага. Перед отъездом я его спросил: «Ну как ты, Лом!» — «Ничего, когда сыт, я совершенно спокоен, мне ничего не надо».

Причина нашей вполне добродушной и беззлобной встречи открылась мне много позже, когда я стал переосмысливать описанные события. Я ненавижу ложные, вредоносные идеи и ярых их выразителей, но к людям, с которыми меня сталкивала жизнь, я редко испытывал ненависть, злобу, мстительность. Вместо нее появлялись отталкивание, отстранение, в худшем случае — презрение, омерзение. Длительное время я рассматривал в себе эти особенности как неполноценность и неспособность достаточно глубоко расчищать делянку жизни от сорняков и плевел. Потом успокоился, когда понял, что зло имеет главарей и задавленную ими мелочь. Ненависть нормальна к первым и неуместна — ко вторым. И если уж без этого чувства не проживешь, то презирать надо в первую очередь свою способность к низости, к греховному, к пагубному.

Громадная вереница представителей преступного мира, которые прошли перед моими глазами, подарила мне точное наблюдение, что в этом мире два полюса. На одном — дегенеративные морды из галереи Ломборозо с явно выраженными комплексами, которые при любом строе должны совершать преступления и отдаваться своим порокам; на другом — парни с нормальными лицами. Если последних приодеть, то не отличишь в толпе. Только два признака выдают их профессию: воровские бегающие глаза да вертикальные складки возле углов рта у тех из них, кто не раз садился по «мокрому» делу. Вот в отношении этого второго, преобладающего тогда среди уголовников контингента можно было сказать с уверенностью, что их появление на этом полюсе произошло вследствие колоссальных преступлений бесчеловечного режима, жертвой которого они были. Большинство из них в светлые минуты это понимало, и резкий антагонизм между ними и контриками возникал почти исключительно на почве чудовищного голода, искусственно разводимого властью. В сравнительно сытые периоды злобность почти исчезала, а если имела место, то главным образом за счет ее поддержания беспардонной чекистской сворой.

В 1930 году семью Лом-Лопаты раскулачили и полностью сгубили в Сибири. Один лишь он уцелел, так как мальчишкой бросил своих, убежал на железнодорожную станцию и доехал до ближайшего города. Конечно, средства для существования он добывал единственно возмож-

ным для него способом — воровством, ставшим позже его профессией. Последовала тюрьма, ряд побегов, новые сроки наказания. В начале войны, чтобы не попасть штрафником на фронт, он убил в тюремной драке другого вора и получил срок десять лет по статье пятьдесят восемь-четырнадцать за саботаж в военное время. Играл с блатными на «кровный костыль», он их систематически обыгрывал краплеными картами, за что был признан нарушителем их закона и как «заигранный» объявлен «сукой». Тогда началась серия драк, убийств, в результате чего его признали психически неполноценным, невменяемым.

Я думаю, теперь станет более понятной наша последняя встреча с Ломем. Когда мы оба были сыты, одеты, не изнывали от изнурительного труда,— повода и вражде не было, и наши отношения были вполне человеческими. Помешать могла злопамятность, но в нормальных условиях в славянской душе это чувство слабо развито. Отсюда и добродушие нашей встречи. Так, в каком-нибудь XVI веке стрелецкий сын моего рода мог в чистом поле повстречаться с молодым запорожцем Лом-Лопатой, а в наше время потомки стрельцов и запорожцев столкнулись в искусственно созданном аду.

В нормальном человеческом обществе «теорийка» о том, что среда создает преступников, в корне ошибочна и лжива; в свое время еще Достоевский ее разгромил. Но для режима, поддерживаемого ценой нагнетаемых ужасов и гигантских преступлений, это положение вполне справедливо, если только заменить слово «среда» словом «система».

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Вячеслав Басков

ВСЕ ДЛЯ КАРТОННОГО ЧЕЛОВЕКА!

У нас уже все готово для счастливой жизни. Большие магазины ждут привоза огромного числа продуктов и рады вместить многочисленные толпы покупателей. Люди, которые строили универсамы «просторными и светлыми», то ли утолили свой собственный (все-таки архитекторы — не самый обеспеченный народ) аппетит, то ли, как теперь нам иногда объясняют, воплотили мечту работников, руководящих градостроительством. Потом все смешалось, и теперь не разобрать, чьи голодные глаза увидели и чья жадная рука впервые начертила...

Кажется, с первого магазина, перестроенного под гигантский универсам, продавцы почему-то стали называть вытянутые вдоль зала открытые и доступные любому холодильные камеры — гондолами. Невозможно теперь установить, почему именно гондолами. Гондола — это разновидность общественного транспорта в Венеции. Но именно так возвышенно называют холодильные камеры.

Видимо, продавцы, отлученные от весов, ради которых и идут в торговлю, просто разозлились. В самом деле, они оказались в своем магазине никем и ничем! Прекрасный московский магазин на улице Горького, который москвичи прозвали не очень аппетитно словом «кишка», изуродовали самым первым, выбросив из него прилавки и велев спрятать весы куда подальше! И понаставили иностранных корыт. Вот их взяли и в сердцах прозвали гондолами. И правда, очень похоже на тонущие гондолы — особенно когда отключают электричество...

Министерство торговли СССР понастроило универсамов по всем городам — маленьким, средним и большим. Строительство универсамов, способных вместить сотни, а иной — тысячи две покупателей, шло даже в деревнях. В маленькой Калуге ступающий в городские универсамы слышит собственные шаги. В огромные окна, заменившие стены, туда льется дневной свет. Вечером, наоборот, оттуда на темные улицы изливается свет неоновых ламп. Окна-стены универсамов, через которые видны редкие люди, уныло бродящие от прилавка к прилавку в поисках хотя бы плавленого сырка, украшают Кострому, Курск, далекий Орск... Их продолжают строить повсюду!

Причем в облик универсамов неустанно вносятся новшества. В торговый зал — украшения, в подсобные помещения — новые подвалы. Профессиональные работники торговли вроде начальника Мосгорторга Владимира Алексеевича Карнаухова со своим заместителем Виктором Михайловичем Гришиным разрабатывают еще более новые торговые идеи. Не знаю, сколько стоят их проекты, или разработки ведутся бесплатно, просто в рабочее время. Но идеи эти сродни самим универсамам с их гондолами. Не далее как в позапрошлом году еще приходилось доказывать, что подсобные помещения никаким магазинам, тем более таким гигантским, как универсамы, не нужны вовсе. Городам нужны отдельно стоящие базы, с которых в магазины время от времени привозили бы продукты. Магазин должен быть местом совершения покупки. Он должен быть отдан весь, полностью, целиком покупателю. В нем не должно быть даже маленькой подсобки. Нет, насмешливо отвечали теоретики торговой мысли, все наоборот: подсобное помещение должно быть в каждом магазине, особенно в универсаме. И в универсаме — даже в десять раз больше, чем площадь торгового зала. И понастроили дворцов...

Спор на эту тему не окончен. Как вдруг Моссовет принял роковое решение о передаче магазинов в частную собственность. Но расширение подсобных помещений наверняка где-то еще идет. И планируется. И те же люди, которые еще в позапрошлом году добивались у Минторга СССР особого разрешения на строительство магазинов с подсобными помещениями, в десять раз превышающими площадь зала для покупателей, и добились этого исключения, теперь решают неразрешимую задачу передачи магазинов в частную собственность гражданам. Невозможно представить, чтобы такой гигант-универсам стал собственностью одного человека или его маленькой семьи. Говорят, в Америке супермаркеты тоже огромные, а владелец тоже один. Но ведь это так только говорится — один, на самом деле это десятки, сотни людей, сплоченных одной идеей. Они, как артисты цирка, работают под одной фамилией. Редкому человеку в одиночку удалось справиться с таким объемом работы: заполнить километры полок разными продуктами. Одному человеку не под силу заключить договоры с десятком-другим фабрик различного профиля, которые находятся в разных концах огромной страны.

Такое же положение и у нас. С тем лишь отличием, что у нас вдобавок и товаров почему-то нет. Если были бы, были бы в магазинах. Как же приобретать магазин в собственность, не зная, где взять товары, чтобы заполнить его сусеки, видимые покупателю и скрытые от его глаз толстыми стенами! Конечно, у нас с товарами всегда было хуже некуда. Это только кому-то кажется, что «при Брежневе» в мага-

зинах «что-то было». И тогда уже ничего не было. А если было, то такого низкого качества, что страшно вспомнить. Одна колбаса с ее засекреченными добавками, отравляющими человеческий организм, не забудется. Как и имя одного из ее талантливых создателей — Юрия Михайловича Лужкова, нынешнего председателя исполкома Моссовета. Так что вряд ли удастся акция передачи магазинов в частное владение. Задумано неплохо, это было бы как за границей, но там ведь не живут завтрашним днем. А нам делать шаг назад очень трудно...

Главная подготовка к счастливой жизни велась в мастерских архитекторов. Нам туда вход заказан не был. Мы все видели в кино и по ТВ, а также на самых разнообразных плакатах, стендах и выставках, какую жизнь нам уготовили архитекторы. Мы смотрели на макеты городов с их универсамами, с разлетом тротуаров в клеточку, уносящимися к краю картона, как к горизонту, и хихикали в кулак. По краям тех тротуаров в клеточку высились стремительно взмывающие в небо узкие домины, однако не небоскребы. Но меня всегда удивляло, что архитекторы свои жуткие макеты не населяют почему-то людьми. Лишь иногда на макете вырисовывалось эдак небрежно, наброском, деревце — дескать, сами представляете, что тут идет ряд деревьев. Иногда дерево для оживления нашего воображения вырезалось из плотной бумаги ножницами и приклеивалось к клетчатому тротуару, эдак условно. Потом появились картонные люди. Не для оживления воображения или пейзажа. Картонки тоже служили архитектору подмогой: благодаря маленьким людишкам ярче проступало величие высоченных зданий, устремившихся к облакам. Я очень хорошо помню этих людей: мужчина и женщина шли под ручку. Без лиц. Высокие, стройные. Оба в костюмах, только он в брюках, а она в юбке. У него в руках дипломат. Вероятно, они были мужем и женой, потому что шли в ногу. Но скорей всего сотрудники. Его широкие прямые плечи упирались в ее широкие и тоже прямые. Он — в шляпе, у нее волосы вились и достигали плеч. Потом мне стали попадаться макеты, где было уже трое людей: навстречу этим двум широкий проспект пересекал одинокий мужчина. И он был в костюме. И у него на голове шляпа. И его широкие прямые плечи обнаруживали в нем человека светлого счастливого будущего: он был спортсмен. Он двигался пружинистой походкой, далеко вперед выставив прямую стройную ногу. Иногда этот третий оказывался позади парочки — дескать, они уже прошли друг друга. Он углублялся куда-то в даль клетчатого тротуара, они же по-прежнему шли на нас. Эта жизненная коллизия, когда двое встречают прохожего, придавала макету города завтрашнего дня особое правдоподобие. Казались сами собой разумеющимися дома с геометрически ровно расположенными окнами — по вертикали и горизонтали, одно деревце — палочка с кудрявым верхом. Город «оживал»...

Нас когда-то учили, что все виды искусства существуют ради человека. Советская архитектура оказалась не таким искусством. Она в людях нуждалась лишь на выставках. Подозреваю, что картонные сотрудники и случайный прохожий делались специально для выставки. В мастерских тротуары и дома рисовали и чертили без всяких людей.

Но самое жуткое, что когда эти нарисованные проспекты, дома, универсамы с огромными окнами, заменившими стены, появились в Москве, то они стали точно такими же безлюдными, как на макетах. Вечером в будни и днем по воскресеньям проспект Калинина был абсолютно без людей. Пуст Олимпийский проспект и проспекты имен каких-то маршалов, Новокировский проспект... Я хорошо помню, как летним воскресным днем шел по клетчатому тротуару проспекта Калинина, сжигаемый солнцем, стоящим в зените, совершенно один. Как тот одинокий картонный пешеход. До горизонта не было ни души. Если сейчас я вижу проспект Калинина заполненным людьми, то твердо знаю, что это вовсе не потому, что проспект Калинина — улица оживленная, что она принадлежит городу. Многолюдье там вызвано искусственно: магазинами. Ни одна старая улица Москвы не наполнялась людьми только по этой причине. На улицах — жили, и потому там были люди.

Улицы будущего будут безлюдными. Людям станет не к чему ходить по улицам. Они будут передвигаться или же в машинах или космолетах. Они не будут нуждаться в зелени, дающей тень от солнца. Город будущего не будет городом в нашем понимании: это будут города-спальни для оставшихся на Земле. Все остальные уже переселились на другие планеты. Это там шумно и весело. Здесь же остались последние. Даже, скорей всего, они тут не живут, а прилетают на Землю в командировку. Здесь остались какие-то научно-исследовательские институты, лаборатории. Мужчина с женщиной — физики. Одинокий мужчина — космонавт. Он только что с космодрома, идет в ЦУП отчитаться о полете...

Макеты магазинов никогда не оживляли продуктами. Там были голые стекла-стены, перегороженные тонкими рамами. Высокие ступени вели к входу, представлявшему собой гряду стеклянных дверей, через которые в магазин могли одновременно войти колонны покупателей. Палочка с кроной означала зелень у магазина. Клетчатый тротуар — широкий, как проспект. Возле магазина рисовали или вырезали из картонки автомобиль. Он означал, что люди будущего приезжают в магазин на машине, ставят его на специальную стоянку, а сами уходят в одну из десятка дверей. На магазинных макетах людей не рисовали и не вырезали из картона. Предполагалось, что возле магазинов всегда будет пустынно, питание отойдет на второй план. Когда такие магазины выстроили, уборщицы первым делом заперли все двери, оставив две створки. Отогнув зад, они кричали, опершись на швабру:

— А хто тут мыть за вами будеть!! Понастроили мавзолеев!!

Счастливое будущее обходилось без людей не только на макетах. Вполне жизненная, наша славная Конституция СССР провозгласила, что стране больше не нужны образованные люди. Их уже переизбыток. Девать их некуда. «Граждане СССР имеют право на труд,— заявила статья 40,— включая право на выбор профессии, род занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей». Отказ в любой работе или при поступлении в любое учебное заведение стал законным. Ограниченные общественные потребности побудили ввести совершенно зверские вступительные экзамены, с которых отсеивают миллионы молодых людей, жаждущих получить образование «в соответствии с призванием». Стране вдруг стали требоваться одни рабочие. Без образования. Для того чтобы стоять у станка, нужно знать один этот станок. Чтобы стоять у конвейере, не нужно знать ничего вообще.

Вдруг обнаружившийся переизбыток образованных людей, которые бы могли жить и служить в полной гармонии со своим призванием и способностями, перенес нас в счастливое будущее с дерзновенной стремительностью. Так вот почему на архитектурных макетах так безлюдно и светло! Все работают. Руками. Таскают носилками, копают лопатами, строят дома до неба, привинчивают отверткой болты, кладут тротуарные квадратики. Двое идущих людей — конечно же не муж с

женой. Это наверняка научные сотрудники — представители умственного труда. Им удалось поступить в институт и получить высшее образование. Они одарены природой во сто крат щедрее, чем все остальные люди. Они выдержали вступительные экзамены в вуз. Таких людей в стране единицы. Вот как на этом проспекте. Но больше стране и не требуется. Ей нужны рабочие, которые все время увлеченно работают. Им некогда шляться по магазинам, фланировать по проспектам. А тот, кто идет сослуживцам навстречу или же миновал их,— тоже человек высокого интеллектуального труда. Он в шляпе. Он весь в науке. Он не женат. Среди глубоко образованных людей будущего очень много одиноких. Интересы Родины — их жизнь.

Идея о переизбытке в стране образованных людей из учебников, где говорится, что за право работать люди будут драться, из Конституции перепрыгнула в жизнь на наших глазах. Как только началась очередная перестройка, стало трудно закончить элементарную среднюю школу. Вдруг в девятый класс объявили вступительные экзамены. Тех, кто получил тройку, из школы отчисляют безоговорочно. Народ, еще не вступивший в светлое будущее, сперва захихикал в кулак, потом по-настоящему затаился. Но затем, как это всегда с ним, безучастным, бывает, примирился и стал приноравливаться. Требования при поступлении в институт возросли неимоверно. Если человек в школе проявляет какие-то недюжинные способности, его сначала стараются утихомирить, прижать, сровнять с землей, потом применяют к нему систему Макаренко. А потом, если даже его родители не могут справиться с юным дарованием, засыпают на экзамене и выгоняют к чертовой матери на улицу.

Из Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС в квартиры пришла весть об избыточности специалистов. Прежде всего инженеров, экономистов, актеров. Впрочем, актеров, художников, музыкантов, филологов, историков и других гуманитариев в стране всегда был переизбыток, они были вечно безработными. Теперь их армию пополнили «технари». Они сперва затрепыхались, но потом стали приноравливаться. Грозные «общественные потребности» резко снизились, и некогда законсервированная в Конституции мысль об учете общественных потребностей стала явью. Наступило то светлое будущее, к которому начали готовиться еще в 1977 году, когда приняли эту самую Конституцию. Работники Госкомтруда СССР и ВЦСПС подсчитали с точностью до миллиона, что к 2000 году в стране рабочими должны стать вдобавок к тем, кто ими уже будет, еще 18—20 миллионов человек. Нынешних инженеров, экономистов, артистов... Архитектурные макеты стали оживать на глазах.

Одновременно началась подготовка к светлому будущему и во многом другом. Знаете, когда наступит будущее, людям будет не нужен городской общественный транспорт. Поэтому на него вводятся талоны. Парк автобусов, трамваев и троллейбусов в стране есть, но деньги он получает не за то, что перевозит пассажиров, а за продажу талонов. На архитектурном макете пусто именно потому, что большая часть населения работает, а другая — стоит на остановках автобуса, троллейбуса и трамвая. Толпы людей стоят на остановках и ждут, когда покажется на горизонте что-нибудь, что перевозит. Да хоть гондола. Возможно, картонные сослуживцы идут как раз на остановку. А тот одинокий мужчина, который идет им навстречу, идет или же на другую остановку, или же только что сошел с приплывшей гондолы, которой теперь минут сорок не будет. Кроме него, никто с той лодки не сошел. Потому что городской общественный транспорт вообще-то людям будущего не нужен, им станут пользоваться лишь единицы. Спортивная фигура и пружинистая походка одинокого мужчины свидетельствуют о том, что он легко пересекает город ногами. Городской общественный транспорт лишь создает в пустынном городе будущего хаос и очаги скученности. Как сегодня...

Да-да, вырезанные из картона люди знают, куда идут. Они не то, что наши дурни-современники, которые ничего не знают. У картонных вместо лиц белые овальчики. На наших глупых лицах бегают беспокойные глаза. Мы еще хотим что-то знать, у кого-то что-то спросить, мы жаждем информации. У нас в городе от старых времен еще сохранились разные справочные, но они уже отживают свой век. Телефонная справочная 09 в этом году перестала давать справки по вечерам. Это только начало светлого будущего в этой важной области человеческой жизни — информатике. Люди будущего не должны ничего знать. С самого утра. Как проснутся — так и не ориентируются. К этому их начали готовить нынче с вечера. В Москве работают несколько крупных специалистов по информатике. Это Виктор Фадеевич Васильев, который возглавляет московскую городскую телефонную сеть, и Иван Иосифович Юзвишин, руководитель Мосгорсправки. 09 — в руках Виктора Фадеевича, 05 — Ивана Иосифовича. 09 не работает по вечерам, 05 — по вечерам и воскресеньям. Эти два руководителя приближают светлое будущее. Вполне возможно, что картонные сослуживцы, встретившись с одиноким талантом, объяснили ему дорогу, куда как пройти, или, наоборот, это он им объяснил. Потому что в светлом будущем мы дорогу будем спрашивать друг у друга. Впрочем, спрашиваем друг у друга и сегодня. Стоит где-нибудь остановиться, как к вам подходит женщина или мужчина и спрашивает, как пройти и как проехать. А я тут недавно полчаса постоял с постовым ГАИ на Пушкинской площади, так он остановил всего четыре машины за нарушение, зато ответил вопросов на двадцать, как пройти. Город будущего — это секретный объект, в устройство которого жители посвящены не будут.

И они будут голодными. Не только потому, что в магазинах совсем ничего не будет, но главным образом потому, что все предприятия общественного питания будут закрываться еще раньше, чем сейчас. Сейчас та пирожковая, которая закрывается в пять, станет закрываться в десять часов утра, а та столовая, которая работает до восьми, станет работать до двух, а та, которая сейчас до трех, будет закрыта... Так что мы еще живем хорошо. Доживаем в прошлом. Но если Владимир Иванович Малышков еще повозглавляет московский общепит, то светлое будущее окажется отнюдь не за горизонтом.

Кому-то может показаться, что я перехожу на мелочи и на частности, но как не сказать, что мечтой о будущем советские люди жили всегда, не придавая никакого значения своей сегодняшней жизни. Потому и зачастили к нам НЛО, что мы все — в будущем. Все больше людей вступает в контакт с НЛО, а те, кому еще не повезло, с утроенной силой мечтают улететь отсюда куда подальше — прямо в готовое будущее. До сих пор в Москве еще очень много коммунальных квартир, их планируют превратить в отдельные лишь к 1997 году, но наверняка опоздают. Однако городские бани стали уничтожать еще в начале семидесятых годов. Потому что в будущем все станут жить в отдельной квартире со своей ванной. И теперь баню в городе сыскать очень трудно, а та, что осталась, превратилась руками людей, смотрящих в будущее, не в помывочное учреждение, а в некую городскую достопримечательность: вход туда по билетам, строго по сеансам, как в кино, там обжигающий голые места кафель вместо приятного телу

дерева. И билет туда стоит не как в кино, а еще дороже. Должно быть, мужчина с дипломатом и женщина с локонами идут в баню: именно такие импозантные люди теперь посещают эти заведения.

Между тем квартирную баню (ванную комнату) уже делают из картона. Ванную и уборную. Такой «облегченный» картонный блок выпускают строительные комбинаты. Там стены из картона. Те же строительные комбинаты выпускают входные двери из картона. Только обклеивают их пленкой с рисунком распиленного дерева. Словно бы они деревянные. Вероятно, мужчина и женщина, следующие в ногу по пустынному проспекту будущего,— квартирные воры. Мужчина вонзил в картонную дверь одного из домов, мимо которого они шествуют, нож, вырезал замок, замок остался запертым, а дверь отворилась. В квартире из одежды не нашлось ничего стоящего, поэтому женщина велела взять только украшения с туалетного столика. Они поместились в дипломате...

Мы живем в нашем будущем. Мы недовольны картонными дверями и комнатами, пустыми магазинами и улицами. А дети уже воспринимают этот голый мир своим единственным. Они почему-то смеются, дерутся портфелями, плачут из-за двойки, только старшеклассники года на два, на три вдруг суровеют, начинают рассуждать, как старцы, которые поле перешли и очутились на кладбище... А потом «молодость» возобновляется — молодые ходят в обнимку, холостые парни пьют, озоруют, колются, играют ножом, накачивают мускулы, насилуют девчонок, которым в тот раз неохота или которые вообще еще ни разу... Это наше светлое будущее.

Мы готовились к нему всегда. Мы презирали трудности сегодняшнего дня ради будущего. И мы здорово научились бороться со всем, что делает жизнь умной и удобной. Это старомодно! Новая жизнь избавит человека от обузы быта, от мелких удобств и заботе о еде и одежде. Человек будущего легок на подъем, спортивен, энергичен, он никогда не болеет и не стареет. Чтобы прийти к этому, следует избавиться от жизни, которая напоминает о себе каждый день болезнями, ссорами, плохим настроением, скверной погодой, голодом, капризами детей... Перебороть все это очень трудно. Но — надо. Во имя светлого будущего. И мы привыкли к трудностям. Втянулись в них и не можем отличить, где счастье, а где привычная мука. Дефицитом продуктов, сигарет, промышленных товаров возмущаются одни журналисты. А в жизни эти трудности уже никому нипочем. Люди охотно встают в очередь, флегматично стоят, передвигаясь вперед по миллиметру, смотрят в спину впереди стоящего или по сторонам. Есть такие очереди, в которых спросишь человека с хвоста — мужчину или женщину: «За чем стоите!» — а они отвечают: «Не знаем. Чего-то дают». Вы думаете, это наше настоящее! Нет, это тоже будущее. Люди ждут с того момента, как проснулись, до того мгновения, как углубятся в сон. Стояние в очередях — ожидание будущего, и само это стояние — настоящее ради будущего и потому не совсем настоящее.

Мы готовы к любым мучениям, потому что вокруг идет активная подготовка к будущему. Жизнь превратилась в сплошное мучение. Избавление от него пессимисты находят где-то там, по другую сторону поля, а оптимисты дают взятку 700 рублей за перемену в паспорте национальности на «еврей». И так, вполне задёшево, выезжают из страны будущего в страны, где люди живут, к будущему совершенно не готовые. У них ни одного пустого магазина, наоборот, на полке ищут свободного местечка для того, чтобы пристроить еще один товар, ни одного пустого безжизненного проспекта, и они очень образованные

(все, кто хочет, тот и получает любое образование!), и им их работа дает возможность жить сегодня, а не мучиться во имя будущего. За такую статью, как эта, говорят, автор получил бы много денег. Захотел бы — написал еще, а если бы устал после работы, поехал бы в аэропорт, взял бы билет и вылетел бы в Венецию. А в Венеции общественный транспорт — гондолы, там, знаете, говорят, ужасно бывает сыро. Поэтому он взял бы билет на самолет и перелетел бы в Париж, где посуше... И снова бы встретил там живых людей, которые ничего не смыслят в будущем, они с момента пробуждения и до того мгновения, пока не углубятся в сон, живут настоящей жизнью. Здесь. Сейчас. Среди своих. И почему-то без нас, вырезанных из картона, людей светлого будущего.

Леонид Жуховицкий

КАК Я ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ БРЮНЕТОМ

Змей Горыныч из сказки, монстр из ночного кошмара, наемный убийца, вампир, вечный враг пишущего человека — редактор. Во имя какой низменной цели занимался своим гнусным делом этот профессиональный губитель литературы?

Люди, к писательству не причастные, таким вопросом, пожалуй, не задавались — на то и Змей, чтобы плевать ядом в белый свет.

Ну а мой личный опыт — мне на редакторов везло?

Может быть, впервые сочувствие, жалость да и, пожалуй, любовь к этому «воинству нечестивых» пробудились у меня в то уже далекое время, когда издательскую полосу препятствий проходила моя третья книга. Тогда же захотелось сказать доброе слово о редакторах — просто из чувства постоянно попираемой справедливости.

Зашел в издательство по своим скромным делам и попал в атмосферу неглубокого женского скандала: мою тогдашнюю редакторшу к чему-то энергично склоняли, а она еще более энергично отказывалась.

— Да зачем мне это надо?! — возмущалась она.

— Но ведь кто-то должен?

— Вот пусть кто-то и подписывает!

— Это же переиздание,— уговаривали коллеги,— ничего и делать не надо. Ни дописывать, ни переписывать. За полдня месячный план.

— Да пошел он!..

Моя редакторша нервно выдрала сигарету из пачки и выскочила в коридор.

Я пошел за ней.

— Чего у тебя там произошло?

— Да ну их к черту! Переиздают Кочетова. Хотят, чтобы я книжку подписала.

— Что значит — подписала?

— Ну, ведь каждую книжку какой-нибудь редактор подписывает, иначе нельзя. Вот и давят. Две недели никто подписывать не хочет. А теперь на меня навалились.

Из книги «Молитва атеиста».

— А что значит — подписать?

— Ничего. Подписать, и все. Редактор такой-то. Ну, заголовки посмотреть, выходные данные. Вообще-то переиздания самая выгодная работа — хлопот никаких, а листы в план идут. Но на черта мне свою фамилию пачкать?

— А кто про это узнает? — беспринципно поинтересовался я.

— Как это? — вскипела она.— Фамилия-то в книжке будет моя!

После, дома, я взял какую-то книжку этого издательства и довольно долго искал фамилию редактора. Наконец нашел: на последней странице, под оглавлением, среди невнятных цифр и знаков, шрифтом, мельче которого, наверное, и на свете нет. Вот тебе и подпись! Да кто ее заметит? Кто узнает про нее, кроме соседей по редакции? Даже внеотдельское начальство и то вспомнит редактора лишь если с опасных идеологических верхов раздастся грозный звонок. Но разве в ту пору стали бы ругать за Кочетова? Куда там — писатель-гражданин, лауреат, многажды орденоносец, что ни страница, либо партийность, либо народность, либо и то и другое вместе...

Нет, за эту строчечку на последней странице, кроме премии, ждать нечего.

А редакторы, получающие за месяц копошения в бумажной пыли, за близорукость и аллергию сто рублей с заячьим хвостиком,— эти редакторы две недели бунтуют и скандалят, но подпись крохотным шрифтом не ставят. Во дела!

«Что же их удерживает от миниатюрного, на последней странице компромисса?» — задумывался я. Потом понял. Три вещи. Сперва совесть — она у всех есть, и у редакторов тоже. Потом мнение соседей по редакции, по комнатушке, в которой четыре стола. Ну а еще — профессия, уважение к своему трудно формулируемому ремеслу, к делу, которое позволяет скудно кормиться, тесно жить, но зато себя уважать. Потому что без самоуважения горбатиться за сто двадцать или за сто сорок в месяц невозможно. За бесстыжесть надо платить не сто сорок, а куда больше.

Впрочем, начальство это понимало и за бесстыжесть как раз и платило куда больше. Тем более что бесстыжие меньше бы и не взяли. Знали себе цену, всегда знали.

Так вот, везло ли мне на редакторов?

В общем, везло, хотя попадались очень даже всякие. Вплоть до осторожных взяточников, бравших взаймы,— самое трудное было смотреть им в глаза и не краснеть. Тогда такие вызывали у меня брезгливость — теперь, повзрослев, стал их хоть как-то понимать. Им ведь тоже несладко было: платят мало, а жить хочется.

Но самая моя первая книжная редакторша была как подарок судьбы. Теперь она в могиле, никакие деловые отношения больше не связывают, и можно сказать о Вере Давыдовне Острогорской все хорошее, что хочется.

Первую мою книжку рассказов она редактировала два дня. Почти ничего не тронула — галочки на полях стояли там, где им и надо было стоять. Один только рассказ, вглухую непечатный, сократив страницы на полторы, сделала проходным. И на внутренние рецензии отдала рукопись двум, тогда незнакомым мне, женщинам, чью доброжелательность я оценил сразу, но о чьей высочайшей человеческой ценности узнал лишь годы спустя: Фридой Абрамовной Вигдоровой и Саррой Эммануиловной Бабенышевой. Обе они принадлежали к ряду тех современных нам российских интеллигенток, которые ни в малой малости не уступали ни прославленным «тургеневским девушкам», ни еще более знаменитым женам-декабристкам, к женщинам, которые сквозь годы культа, волюнтаризма и застоя, а проще — сквозь эпоху террора и разноликой аппаратчины, добровольного и принудительного лакейства и всяких карьерно-коммерческих игр сумели пронести и передать в хорошие руки такие спасительные для человечества качества, как безуклонная порядочность, неизменность в дружбе, душевная щедрость, почти физиологическое отвращение к предательству, бессребреничество и тот абсолютный нравственный слух, который выручал там, где начисто отказывала всякая логика. Впоследствии обе вошли в историю русской общественной жизни: Вигдорова тем, что сумела записать и обнародовать через Самиздат постыдное судилище над Бродским. Бабенышева — помощью Сахарову и мужественными, хотя и безуспешными, попытками прорваться к нему в ссылку в Горький. В странах, сытых свободой, вряд ли когда-нибудь поймут и значение, и рискованность этих акций в эпоху безгласности и бесправия.

Книжечка моя вышла за год — тогда этот срок мне показался довольно большим. «Леня, вы родились в рубашке»,— сказала Острогорская. Я же был дурак и полагал, что книжки именно так и должны издаваться. Увы, познакомившись сперва с исключением из правил, я все же вынужден был узнать и все до единого правила. В этой школе преподавание было на высоте.

Самой тяжелой, по моему восприятию, историей оказалась эпопея с публикацией романа «Остановиться, оглянуться...», книги, судьба которой со стороны казалась уникально удачной. Мне эта книжка обошлась недешево. До сих пор помню все в деталях.

Роман, писавшийся пять лет, я отнес в издательство «Советский писатель», где до того были опубликованы две мои книжки. Рукопись, как и положено, отдали на рецензию. Через несколько месяцев эта рецензия была прочитана, и мне дали ее прочесть.

С первых же абзацев стало ясно, что рубашка, в которой я родился, порвана в клочья и в дальнейшем лучше на нее не рассчитывать. Очернение действительности, клевета на советских журналистов и так далее. Заслуги автора по художественной части отмечались, но вскользь и конечно же не компенсировали ущербность основного направления. В состоянии полной подавленности добрался до последней страницы и увидел подпись — «Владимир Б.».

Вот тут я удивился. Володю Б. я неблизко, но знал по Литературному институту, по молодости лет все мы тогда были либеральны — во всяком случае, ругать друг друга за клевету на действительность в институтских компаниях принято не было. Взгляды столь быстро изменились? Впрочем, ведь и так бывает. Больше, чем содержание рецензии, меня обидело одно обстоятельство: Б. почти не печатался, а я уже был автором трех книг — почему же, по какому творческому праву он решает мою судьбу?

С этим вопросом я и пошел к заведующей отделом прозы.

Она сказала:

— А? Да, да. Рецензия Б., очень серьезные недостатки. Надо работать!.. Ну и что, что не печатается? Он молодой, мы должны привлекать молодых. Посмотрите, подумайте, переделайте и приходите. В этот план вы все равно опоздали, приходите через год.

Я перечитал рецензию, перечитал роман. Одно с другим никак не сочеталось. Приятель поопытней посоветовал:

— А ты сделай что-нибудь.

— Что «что-нибудь»?

— Да все равно что. Что-нибудь. Чтобы работа была видна. За год они все забудут.

Я так и сделал. Поправил пять-шесть абзацев, вынул одну главку и просто перепечатал на другой бумаге десяток страниц, чтобы «работа была видна». Самым трудным оказалось ждать год.

Как по заказу, едва закончив эту псевдопеределку, я встретил на улице Б. Тротуар был широк, люден, разойтись, не заметив друг друга, было совсем легко. Однако Б., резко изменив курс, чуть не бросился мне на шею:

— Леня, дорогой, ты, наверное, обиделся?

Сбитый с толку его энергичным дружелюбием, я забормотал, что каждый имеет право на собственную точку зрения...

— Да при чем тут точка зрения? — отмахнулся Б.— Я ведь для чего так написал? Чтобы другой не написал еще хуже! Время-то — сам видишь...

Я пробормотал нечто благодарственное и ушел, чувствуя себя полным дураком. Потом мы бегло сталкивались еще несколько раз, и всегда мне было стыдно смотреть ему в глаза, будто это я сделал ему какую-то гадость. Ну, не видел я, какое время, не видел! Пожалуй, никогда не видел. Не дано. Так для якута пятьдесят градусов мороза — нормальная зима, а не чрезвычайная обстановка, дающая моральное право украсть у соседа дрова...

Через год заведующая отделом сказала:

— Принесли? Переделали? Вот и хорошо. Ну что, отдадим снова Б.?

Я нашел в себе силы косноязычно возразить, в том смысле, что было бы интересно узнать и другое мнение. Она неожиданно легко согласилась:

— Да? Вы хотите? Хорошо, давайте другому. Мы подумаем. Позвоните месяца через два.

Месяца через четыре я собрался с духом. Сказали, что рецензия есть. Пришел, прочитал. Бог ты мой! Опять очернение действительности, на сей раз по части морали. Легкомысленность интимных отношений, чуждая советскому молодому человеку. Подпись под рецензией не говорила ничего.

Заведующая отделом посмотрела на меня холодно:

— То есть как — кто это? Профессор. Да, профессор П. Сам не пишет, но прекрасно разбирается в литературе. Посмотрите внимательно! Не может быть, чтобы в рецензии не было ничего полезного. И вообще, любая доработка только на пользу.

Знакомый парень, кем-то служивший в издательстве, услышав фамилию моего рецензента, засмеялся:

— А, П. ...Есть такой. С трубкой. Да ты не огорчайся, он всегда так. Что велят, то и напишет.

С профессором П. я познакомился много лет спустя — случайно оказались за одним столом в Доме творчества. П. был маленького росточка, но в остальном хоть куда: шевелюра, густые важные брови, породистая трубка... К этому времени характер у меня сильно испортился, и, услыхав фамилию, я тут же припомнил профессору историю с рецензией.

— Да? — удивился профессор.— Впрочем, может быть, может быть. Иногда я бываю строг. У меня вообще высокие требования.

— Вы там требовали, чтобы герои не спали до брака.

Профессор покраснел и вынул трубку изо рта:

— Да? Странно. Обычно я... Я бываю строгим, но...

Он молча допил компот и эмигрировал на другой конец столовой...

После второй рецензии я уже знал, что делать. Я вложил в рукопись вынутую прежде главку и перепечатал на другой бумаге еще десять страниц.

«Доработка» пошла только на пользу, но в план я снова опоздал. Всего роман ходил туда-обратно шесть лет, он получил пять внутренних рецензий. Все они требовали серьезной доработки. Я вынимал ту же злосчастную главку или вкладывал ее вновь, после чего выяснялось, что работа проделана большая, рукопись стала значительно лучше, но хорошо бы сделать еще кое-что. На шестой год заведующая отделом уже не стала отдавать роман на новую рецензию. Она прижала руки к груди и произнесла умоляюще:

— Я вас прошу... Не оставляйте рукопись. Заберите. Ровно на год. А вот через год...

Тут уж я вовсе ничего не понял:

— Но... почему?

— Так будет лучше. Для вас же лучше. Ну зачем вам еще одна рецензия? Доработайте что-нибудь сами, просто так. Вы же видите, какая сейчас ситуация!

Я не видел, но поверил ей на слово. Я вообще был настолько заверчен хмельным потоком жизни, бесконечными, практически ежемесячными поездками по непредставимо огромной, разнообразной, загадочной и любимой стране, своими рукописями, чужими книгами, неожиданными встречами, любовью — ею больше всего,— так был заверчен, что на ситуацию просто не оставалось времени. А в издательстве, я это знал, сидели такие великолепные специалисты по ситуации, что для меня же было лучше ни во что не вникать, а полностью полагаться на них. Я взял рукопись и унес ее домой, чтобы принести через год, когда, возможно, ситуация изменится. Я не обиделся на заведующую, а, пожалуй, восхитился ее запредельной рекомендацией доработать что-нибудь просто так — конечно, это был бред, но ведь и предыдущие рекомендации были бредовыми, только в тех все же просматривалась какая-то извращенная логика, а на этот раз абсурд был выражен в наиболее совершенной, я бы даже сказал, абсолютно художественной форме.

Вообще я довольно рано начал ценить форму абсурда, что порой вызывало недоумение и даже осуждение моих друзей: я общался с прохвостами, восторгался чудовищными вралями, часами выслушивал трусов, играл в преферанс с подлецами, обожал дураков и охотно пил чай с литературным критиком, кравшим у меня книги и ложки: мне было интересно, зачем он пришел на этот раз — поговорить или украсть. «Как ты можешь?!» — укоряли меня друзья, ибо всю эту шатию надлежало ненавидеть. А я не ненавидел — я восхищался их художественной законченностью.

Пожалуй, это помогло мне в драматургии, где автор просто обязан любить каждого героя, иначе он не сможет его как следует написать и уж тем более актер не сумеет сыграть «Негодяя Негодяевича».

Непреодолимую брезгливость у меня вызывали, пожалуй, только стукачи. Не работники разных следящих органов — у тех служба такая,— а именно стукачи, шпионы в собственном доме, тайные доносчики на своих. Потому, наверное, ни одного из них я никогда не смог написать...

А с романом все кончилось хорошо. Я написал по нему что-то вроде пьесы, написал быстро и безответственно, за двенадцать дней, просто чтобы отработать полученный аванс, пятьсот пятьдесят столь необходимых мне тогда рублей. Может, из-за этой легкости вещь по-

лучилась, видимо, неплохой, ее поставили десятки театров, а в Москве, в Театре имени Гоголя, она прошла почти шестьсот раз. Появились хорошие рецензии, и редактор журнала, до того осторожничавший, поставил роман в номер. А как только вещь вышла в журнале, мне позвонила из издательства заведующая отделом, та самая ведущая актриса театра жизненного абсурда.

— Ну где же вы? — возмутилась она.— Куда вы пропали? Ведь рукопись надо сдавать в производство!

И все пошло так гладко, будто я был племянником члена Политбюро. Роман был издан, потом переиздан, потом переведен на разные языки, так что у меня даже появился приятный и престижный валютный счет во Внешторгбанке. Мне писали письма парни, желавшие стать журналистами, и девушки, не желавшие стать журналистками, меня похвалил даже знаменитый летчик-испытатель Марк Галлай. До сих пор незнакомые люди благодарят за эту книгу, на что я довольно кисло улыбаюсь: ведь похвалить писателя за давнюю вещь — это почти то же самое, что сказать актеру или футболисту: «Как же здорово вы играли лет десять назад!»

Вот ведь как все хорошо кончилось!

Жаль только, что за шесть лет, в течение которых рукопись билась о пороги издательства, как рыба, идущая на нерест,— жаль, что за эти годы я перестал быть брюнетом...

●

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ГОРИЗОНТ» —

так будет называться серия книг, брошюр и буклетов, которая начнется уже в этом году

«Библиотеку» составят книги авторов «Горизонта», отдельные издания наиболее интересных публикаций, документов и материалов, которые печатались на страницах журнала в сокращении или, находясь в редакционном портфеле, из-за малого объема журнала не могут быть опубликованы в нем, но при этом представляют значительный общественный, исторический, литературный интерес.

Под маркой «Горизонта» выйдут такие издания, как «Процесс исключения» Лидии Чуковской, мемуарная книга «Галина» Галины Вишневской, «Стремя «Тихого Дона» Д* (Ирины Медведевой-Томашевской), «Воспоминания агента» Брюса Локкарта, «Светлое будущее» Александра Зиновьева, «Избранное «Горизонта» (лучшие публикации 1988—1990 годов)...

Распространяться выпуски «Библиотеки журнала «Горизонт» будут пока только в розницу, главным образом через книготорговую сеть и киоски «Союзпечати». В дальнейшем планируется сделать «Библиотеку» подписной.

«Горизонт» приглашает к участию и сотрудничеству в издании «Библиотеки» спонсоров, советские и зарубежные государственные, общественные, кооперативные, частные издательства, бумагоделательные, полиграфические и книготорговые предприятия и фирмы.

С предложениями просим обращаться в редакцию журнала (ее адрес и телефон — на последней странице обложки).
